

детектив – событие

Ксения Бажеттова

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ ТЕМНОТА

Ксения Баженова
Ускользящая темнота
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261305
Ксения Баженова. Ускользящая темнота: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55645-8

Аннотация

Даже спустя несколько лет Катя не могла забыть этот кошмар: она избавилась от ребенка по желанию его отца! Однако, несмотря на это, девушка, кажется, до сих пор продолжала любить Сергея...

Стас был счастлив: он уговорил Катю стать его женой!.. Однажды, вернувшись домой, Стас обнаружил, что она исчезла. Неужели в ее жизни снова появился тот человек?

Наконец-то она здесь, в комнате страха. Возможно, она ни в чем не виновата. Но на нее пал выбор, и пришло время отомстить...

Благими намерениями вымощена дорога в ад. С нее можно свернуть, главное – не пропустить поворот...

Содержание

Комната страха	5
Смерть мамы	9
Кукла Надя	12
Звонок	17
Рубиновое сердце	18
Комната страха	20
Начало войны. Морг	21
Мертвые друзья. Письмо с фронта	25
Две встречи	31
Комната страха	36
Новая подруга	38
Первая любовь Кати	42
У Зои в гостях	45
Встреча в «Парусе»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ксения Баженова

Ускользящая темнота

Ксения Баженова всегда чувствовала интерес к необычным людям и однажды поняла: лучших героев для остросюжетных романов не найти! Каждая книга писательницы – галерея смелых образов, а столкновение характеров рождает напряженную интригу... Редкий дар Ксении – замечать то, что обычно спрятано в глубине души, и передавать яркими красками своего блестящего литературного таланта!

Комната страха

Этот момент настал. Через каких-то шестьдесят минут состоится встреча, ждать которую пришлось всю жизнь! Столько лет ожидания в сравнении с одним часом. Можно было бы позвать ее прямо сейчас, но сначала надо успокоиться, еще раз все проверить, ну и конечно, одеться соответственно случаю. Пожалуй, первому со времен тех похорон, который стоил того, чтобы нарядиться. И открыть вино.

* * *

– Что за праздник?

– У меня сегодня большое торжество. Проходи, проходи. Разделишь со мной радость? – Красная жидкость лилась в бокалы, вторя нервным движениям подрагивающей руки, и немного расплескивалась вокруг. – Угощайся. Хорошее вино.

– С утра я вообще-то не пью, – попыталась отшутиться гостья. Выпивать здесь было по крайней мере странно.

– Да ты не бойся, мы по чуть-чуть.

– Ну хорошо.

– Тогда за любовь.

– Вообще-то это актуально. – И девушка все же выпила свой бокал.

* * *

«Хорошая девочка, теперь все должно сложиться так, как надо. Если не случится ничего экстраординарного. А что может случиться? Все предусмотрено, а под этим варевом она будет спать долго и крепко».

И девушка действительно вдруг почувствовала, как чудесно расслабилось ее тело. И еще, что ее визави ведет себя не так, как обычно, скромно, а нагло и развязно. Это все алкоголь с утра – подумала она, и ей стало ужасно смешно. И на все наплевать. Она сначала все же немного сдерживалась, но затем стала в открытую хихикать. А потом комната внезапно провалилась в темноту.

* * *

Когда она открыла глаза, ее состояние походило на то, в каком просыпаешься после жуткого сна в холодном поту. Сначала очень страшно. Ты чувствуешь рядом чье-то незримое присутствие, еще не понимаешь, где находишься, но постепенно реальность начинает проступать сквозь темноту. И ты потихоньку успокаиваешься, приходишь в себя. Это был всего лишь сон.

Сейчас вокруг висела тьма, тишина... Самое ужасное – она поняла, что не спит. Прошло несколько минут, а знакомый интерьер не появлялся. Все внутри наполнялось липким, животным страхом. Тело затекло и почти не чувствовалось. Очень сильно болела голова, напоминающая только что отлитый горячий свинцовый шар. Попытка приподнять ее оказалась неудачной. Сильно затошнило, и подступила рвота. По-прежнему было темно, но в полной тишине она различила чье-то едва слышимое дыхание. Страх смешался с кровью и вместе с ней проник в каждую клетку тела, ускоряя разогнавшееся сердце. Ей это только кажется, – глупо пыталась успокоить она себя, и пот тек с нее градом. Так страшно ей

еще не было никогда в жизни. Ничего не понимая, она стала всматриваться в темноту. Физическое напряжение вызвало новый приступ тошноты, девушка не выдержала, и рвота потекла по щекам, подбородку и шее. Она тихо заплакала.

Рядом действительно кто-то был. Раздался негромкий смех. И зажегся свет. Тень настольной лампы, крахтение, медленные шаги. Близко, близко. От страха ее снова стало тошнить. Но уже было нечем.

– Блуждаешь, девочка моя. Ничего. Скоро тебе станет хорошо. Ну а пока поспи немножко, если заснешь. Я скоро приду.

Погас свет, и дверь захлопнулась.

* * *

Москва. 198... год

Катя с мамой жили в коммуналке в центре Москвы. Это была старая квартира с полами из деревянной крашеной доски, с облупившейся штукатуркой на потолке и графиком уборки коридора. Кате было выделено место у окна, за поставленным перпендикулярно стене сервантом, в окно заглядывал тополь. Ей нравилось наблюдать за тем, как он меняется вместе с временами года. У них было несколько соседей. Тихий пенсионер Анатолий Петрович, у которого жила кошка. Когда он варил ей рыбу, в квартире стоял жуткий запах, на который сбегались тараканы, кажется, со всего дома, и, если тихо зайти в темную кухню и включить свет, они бросались наутек, падая с шумом со стен. Водитель-дальнобойщик дядя Миша, который много пил и в состоянии подпития орал во весь голос русские народные песни – в своей комнате, на кухне, в туалете и в ванной. Семья из трех человек: дядя Игорь, тетя Надя и их дочка Леночка, которую нещадно заставляли соблюдать режим дня и бегать по утрам. За завтраком на общей кухне она давилась кашей, которую терпеть не могла, и мать Лены постоянно на нее орала. В этом она нисколько не отличалась от матери Кати, которая еще и выпивала. Работала она продавцом в ближайшей галантерее. Но когда выпивала, Кате приходилось слушать все время одинаковые рассказы про загубленную молодость и ее таланты – «в детдоме мать была первой по математике». В неудавшейся жизни она винила всех, кроме себя. В институт брали только блатных и тех, у кого богатые родители, мужики попадались все, как один, козлы, и даже Катин отец, будь он нелажен, погиб на комсомольской стройке. Вообще, трезвая мама была приятная и интеллигентная женщина, на работе ее любили. И неудивительно: ради других она была готова расшибиться в лепешку, пыталась угодить каждому. Только не родной дочери. Алкоголь превращал ее в желчную, хамоватую и скандальную бабенку. И превращения эти происходили довольно часто. Ее когда-то очень симпатичное лицо увяло, опухло, покрылось морщинами от одиночества, усталости и пьянства. Две-три недели затишья все вроде было хорошо, не без придилок, конечно, но все же по-божески, и даже поцеловать Катю она могла и погладить по голове, а потом они прерывались неожиданными страшными вспышками гнева. Этого девочка боялась больше всего. К этому никак нельзя было подготовиться. Однажды, еще в первом классе – Катя помнила тот вечер до сих пор, – она сидела и делала домашнее задание. Вырисовывала печатные буквы красным и синим карандашом. Мать уже пришла уставшая с работы, выпила немного водки (этот напиток, в отличие от хлеба или сахара, всегда стоял в холодильнике), потом поговорила на кухне с соседкой, которая хвасталась Леночкиными пятерками и новым платьем, которое ей подарил муж («Вам-то, Валя, тяжело одной, наверное, дочку растить, и вообще как-то неприлично быть матерью-одиночкой...»), и ей понадобилось вылить на кого-то накопившуюся злобу. Мать постояла, посмотрела, как мучается дочка, стирает ластиком никак не поддающиеся буквы, и пошла вразнос: «В кого ты такая тупая! Вон у Ленки пятерки одни. У коллег на работе все дети как дети! Позоришь меня каракулями своими...» – Она ходила

по комнате и зудела без остановки. Катя не отвечала, знала, что лучше молчать, а то хуже будет. Но в этот раз не угадала. «Чего молчишь? Отвечай матери!» – Мать отшвырнула тетрадку с буквами, и та полетела на пыльный пол. Катя не выдержала и расплакалась. А мама не унималась: «Что ты реवेशь? Дура набитая. Поговорить со мной нормально не можешь. Неблагодарная тупица. Я целыми днями на работе упыхиваюсь, готовлю ей, стираю, убираю, а она только молчит. Может, из-за тебя я никак не могу наладить личную жизнь?! Кто меня возьмет с такой обузой? Даже буквы написать не может элементарные!» Катя нагнулась и потянулась за тетрадкой. Надо превозмочь себя и показать маме, что у нее все получится. «Мам, дай я доделаю, – всхлипывая, сказала она». «Доделает она! Раньше надо было доделывать, а сейчас разговаривай с матерью». – Мать сама подняла тетрадку, скомкала ее и бросила в угол комнаты. А потом схватила со стола учебник и несколько раз изо всех сил дала им девочке по голове: «Вот тебе твои буквы! Пусть вобьются в твою тупую башку». И когда дочка принялась безудержно рыдать, она кинула книгу, хлопнула дверью и куда-то ушла.

А Катя легла на свою кровать за шкаф и долго плакала. Жить ей совсем не хотелось. Она все думала, как умрет и все об этом пожалеют, и потом в полудреме слышала, как вернулась совсем поздно мать и упала в свою постель. По комнате поплыл сильный запах перегара.

Еще Катя помнила, как однажды весной она возвращалась из школы и у квартиры обнаружила, что потеряла ключ. Шел сильный ливень, одежда вымокла, с волос стекало. Обычно в это время дома никого не было. Но неделю назад дядя Миша неудачно спрыгнул с порожка своего грузовика и сильно повредил щиколотку. Поскольку это стало официальным разрешением на ежедневные возлияния, он этим и занимался. Ходить в таком состоянии было тяжело, да еще и боль в ноге давала о себе знать, и передвигался дядя Миша по квартире на резиновом коврике, на который раньше он ставил грязную обувь. Катя несколько раз позвонила и, приложив ухо к двери, через пару минут услышала знакомые звуки. Сосед добрался до замка и впустил ее. Вечером пришла мама.

«Мам, а у нас нет второго ключа на всякий случай? А то я свой где-то потеряла, но завтра, думаю, найду. Наверняка в школе выпал в раздевалке, уборщица поднимет», – чтобы сильно не злить мать, добавила она. «А как ты домой попала?» – «Я позвонила, мне дядя Миша открыл». Мать секунду помолчала, глаза ее налились злобой, зубы сжались, а потом в Катю полетел чайник с заваркой: «Ах ты зараза! – Она схватила висящее на стуле кухонное полотенце и стала охаживать им Катю. Та вжалась в диван и только прикрывалась руками. – Она ключи теряет, а больной человек должен ей двери открывать».

Валя была уверена, что этот чертов дальнобойщик припомнит ей, что ему пришлось с загипсованной ногой ползти к двери, чтобы открыть ее дочке. Она стегала Катю полотенцем и сыпала матерными ругательствами, красноречиво характеризующими дочкино безответственное поведение. Истошив запас слов, она схватила девочку за руку, стащила ее с дивана.

– Иди извиняйся теперь перед соседом за то, что его побеспокоила, и вали искать ключ. Без него можешь домой не возвращаться.

Катя, вся в слезах, постучала в соседнюю комнату, мать стояла рядом.

– Входите.

Они зашли.

– Дядя Миш, извините, что я вас побеспокоила сегодня днем.

– Извините ее, тетеху, ради бога. Я уже ей всыпала по первое число. Совсем распустилась. Учится отвратительно, теперь вот и ключ потеряла. А он, между прочим, денег стоит. – Она многозначительно посмотрела на Катю.

– Да что ты, Валюш, все равно я дома сижу. – Михаил был в хорошем расположении духа. На столе стояли бутылочка, огурчики и картошка. Работал телевизор. – А что, девчата, проходите. Давай, Валюш. – Мать, увидев спиртное, стушевалась. – Ну по рюмашечке, чего?

– Ну разве только по рюмочке. А ты чего встала? Дуй за ключом! – рывкнула мать.

На улице бушевала гроза. Пасмурные серые тучи заволокли небо. Добралась до школы, в туфлях хлюпало, зонт не спасал от непогоды. Школа была закрыта. Кате долго пришлось звонить, прежде чем отпер сторож.

– Простите, я кое-что в раздевалке забыла. Можно, я пройду на пять минут.

Сторож пустил заплаканную, мокрую девочку. Ключ лежал на полу под вешалкой, где сегодня висела ее одежда. Это было настоящее счастье.

Смерть мамы

Москва – Новгородская область. 1940 год

Зоя помнила последнюю их с мамой прогулку в скверике возле дома – пасмурный осенний день и маленького котенка, забравшегося на дерево, истошно мяукающего. Под мокрыми ветками прыгали дети, стараясь дотянуться до испуганного животного.

– Поможем ребятам? – спросила Зою мама, и девочка с готовностью согласилась. Ей было все равно, что делать, лишь бы вместе. Они нашли во дворе длинную палку, и мама стала подставлять ее котенку, ласково подзывая его. Котенок сначала не понимал, чего от него хотят, но потом стал примеряться к палке, наконец, вцепился в нее передними лапами и повис, болтаясь из стороны в сторону. Мама осторожно его сняла. Тут все громко закричали «ура» и захлопали в ладоши. Котенок испугался еще больше, ловко вывернулся и пустился наутек. Дети со смехом побежали за ним, а Зоя увидела, как мама достала платочек и приложила его к аккуратным красным полоскам на руке. – Надо же, как сильно оцарапал. Ну и ладно, заживет. Пойдем играть.

На следующий день мама со своей помощницей и коллегой отбывали в очередную поездку. Надежда Александровна, как и ее муж, была медиком. Работала врачом-эпидемиологом. Она неделями пропадала в захолустных городах и деревнях, там, где свирепствовали болезни. Муж поддерживал все ее начинания, считая незаурядным перспективным ученым. В этот раз надо было осмотреть жителей глухой новгородской деревни, где, как сообщили в больницу, несколько человек обратились к местному доктору с сильным жаром и слабостью. Доктор посчитал это обычной простудой, но, когда у первого умершего крестьянина были обнаружены красные пятна на руках, решили вызвать помощь из Новгорода. Врачи приехали, осмотрелись и незамедлительно сообщили в Москву. Там и распорядились командировать Надежду Александровну, которая, знали, никогда не откажет.

* * *

Чем дальше автомобиль медицинской бригады удалялся от Новгорода, тем сумрачней становилось небо, холоднее воздух, труднее дороги. К Теплову подъехали ближе к ночи. Фары осветили лошадь, запряженную в подводу, в которой ждал мужик, кутавшийся в толстый тулуп.

– Вы, что ль, из Москвы будете? Уже несколько часов вас тут дожидаясь, вон лошадь вся продрогла. Николай я.

– Дороги размыло.

– Ну, давайте за мной. Доктор велел прямо к нему везти.

Ехали в кромешной тьме. Машина переваливалась из стороны в сторону. Свет горел в окнах только одной избы. У нее и остановились. На крыльце уже ждал местный доктор, Иван Петрович. Надежда Александровна шла первая, протянула руку – хотела познакомиться, но мужчина легонько направил ее к двери:

– Потом, потом знакомиться будем! Заходите давайте, замерзли небось, устали. – В избе было тепло и чисто. Сели за накрытый стол. – Угощайтесь с дороги. Картошечка еще не остыла.

Теперь можно и о делах. Ситуация вам известна, так что заново излагать не буду. Подозреваю, что это стрептококковая инфекция. Проще говоря, рожа, у умершего перешедшая в заражение крови. Надеемся, что с вашей помощью удастся предотвратить эпидемию, если

она действительно угрожает. Сейчас – отдыхать, а завтра с утра отправимся к больным. Сами все увидите.

* * *

Промозглый дождь не переставал моросить. Под телегой хлюпала грязная жижа. Домов было немного. Некоторые с заколоченными окнами.

– Еще в двадцатых от голода опустели, – пояснил Иван Петрович, заметив, как докторша оборачивается назад. Да она и сама все знала. Сколько уже таких селений ей пришлось повидать, просто до сих пор привыкнуть не могла. Остановились у низкой избы. Во дворе залаяли тощие собаки. Водитель посигналил, через минуту приоткрылась на узком маленьком окне занавеска, выглянула баба в платке, махнула рукой, мол, заходите.

На кровати лежала девочка лет семи. Надежда подошла к ней, пощупала пульс, осмотрела ноги, худенькое тело. Девочка не реагировала. У нее был сильный жар. Даже две тоненькие светлые косички лежали на подушке влажные.

– Всю ночь бредила. Говорила чего-то, – сказала женщина, открывавшая дверь. – Ивановна я. Мамка ейная. Отец-то помер, ей и двух годков не было, – неизвестно к чему добавила хозяйка и перекрестилась. – Что ж это, доктор?

Надежда Александровна повернулась к коллеге.

– Похоже, вы правы. Надо отправить анализы в лабораторию. Не волнуйтесь, мамочка. Вылечим вашу дочку. Лариса, принесите, пожалуйста, из машины чемоданчик, – обратилась она к помощнице. – Сейчас мы сделаем девочке укол, а часика через два я к вам заеду.

Объехали еще несколько домов. Взяли анализы. Решили, что Надежда останется здесь, а водитель с помощницей отвезут анализы в лабораторию и вернутся за докторшей. Остаток этого и весь следующий день Николай, вчерашний мужик на телеге, возил Надежду Александровну из одной избы в другую. Ухаживать нужно было за несколькими больными. Хуже всего чувствовала себя девочка со светлыми косичками и ее соседка. Когда соседка заболела, Ивановна часто посылала дочку ей помогать, вот та и подхватила заразу. Ноги их были покрыты мокнущими и гниющими рожистыми пятнами, и они практически ни на что не реагировали. Нужно было приложить все силы, чтобы инфекция не распространилась. А в таких условиях случалось это быстро. Больше всего времени Надежда проводила с девочкой. Ее звали Маша, и она напоминала Надежде оставшуюся в Москве Зоиньку.

Ближе к вечеру снова стал накрапывать мелкий дождь, который постепенно набирал силу, и через пару часов ливень стоял непроницаемой стеной. Машина мама предложила врачихе заночевать у них, однако Надежда Александровна ждала сегодня вечером коллег с результатами анализов, поэтому решила отправиться к доктору домой.

Ивановна не хотела ее отпускать, но все же достала старый мужнин плащ, который накинули на докторшу, а провожающий Николай прикрылся старой клеенкой.

Минут через двадцать добрались до нужной избы. Света в окнах не было.

– Спасибо, что проводили. Они не приехали еще или спят.

– Небось нету никого. По таким дорогам не больно разъездишься. Еще ночь польет, и тогда вообще на несколько дней можно будет забыть про поездки. У нас не в городе.

– Как же так. Но нам же нужно... Мы не можем ждать.

– Это вы с погодой договаривайтесь. Я тут не указ.

* * *

Наутро Надежда Александровна проснулась и почувствовала сильный озноб. Рана, оставленная котенком на руке, вспухла и загноилась. «Не хватало только простудиться», – подумала она, уже зная, что обманывает себя. Перевязала руку. Приняла лекарство.

А дождь, похоже, и не переставал. Надежда накинула плащ, взяла чемоданчик и, не разбирая дороги, направилась к Маше.

Несколько дней стояла стена из воды, отгораживая Теплово от всего остального мира. Сначала умерла соседка Ивановны, потом Маша. Вскоре после нее умерла от заражения крови Зоина мама.

Кукла Надя

Москва. 1940 год

Долго никто не решался сообщить девочке страшную весть, а она, привыкшая, что мамы не бывает дома неделями, ни о чем не спрашивала. Но в один из дней Зоя проснулась, подошла к окну и увидела, что весь двор покрыт первым белым снегом. Она рванула в гостиную. Папа с няней сидели за круглым столом и пили чай. Зоя подлетела к ним, поцеловала няню в щеку, запрыгнула к отцу на колени: «Папочка, ты видел, там уже снег. Значит, скоро Новый год, и елка, и Дед Мороз. Быстрее бы уже мамуля приезжала!» Няня почему-то сразу вскочила и унесла на кухню чашки с недопитым чаем. – Папочка, что Полина теперь все время плачет? А когда мамочка вернется?

Владимир Михайлович снял дочку с коленей и начал ходить по комнате, теребя галстук. Потом взял Зою на руки и поставил на подоконник, повернул ее лицом к окну и спросил:

– Взгляни на небо, оно тебе нравится?

– Очень нравится, – ответила девочка, задрав голову.

– Почему?

– Оно все время разное и красивое. То синее со звездами, то голубое с солнышком.

Потом оно дает дождик, и тогда травка, и цветочки, и деревья – все пьют водичку и растут. А сегодня сыплет снежинками. А они тоже такие красивые. Мы когда пойдем с Полиной гулять, я наловлю их в рукавичку. И они сами мне на шубку налепятся.

– А как ты думаешь, небо доброе?

– Конечно, папочка. В одной сказке написано, что там живут добрые ангелы.

– Ты бы хотела там побывать? Увидеть этих ангелов?

– Очень, очень.

– А что бы ты сказала, если бы узнала, что они все заболели и позвали нашу маму их лечить?

– Я бы расстроилась, потому что они если кого-нибудь зовут, то это навсегда.

– Но там ведь хорошо?

– Но ведь тогда я ее больше не увижу, – тихо сказала Зоя. И с надеждой спросила: – Папа! Ведь это сказка?

– Мама будет приходить к тебе во снах, – ответил отец.

– Ну, папочка, что ты говоришь? Они ведь ее забрали не насовсем.

Но отец ничего не ответил, и маленькая Зоя все поняла. Целый день девочка проплакала в обнимку с маминой подушкой и ничего не ела. К вечеру у нее поднялась температура, и она слегла.

Счет времени был потерян. В пылающих тонах шла кругом ее комната. Дни и ночи сбились, затерялись в складках тяжелого одеяла, втекли в наволочки подушек, наполнили их булыжниками. Черные мушки сновали в воздухе, и Зоя знала, что это больные ангелы, которых полетела лечить мама. Ей было приятно думать, что и она одна из них, она ждала маму, зная, что та ее вылечит. Ангелы вязали огромными, как бревна, спицами, натужно придвигали гигантский стол, на стуле сидела кукла размером с огромного мужика, что продавал мясо в их магазине. И этой куклой была мама. Иногда она протягивала ложку и влиwała что-то в Зоин потрескавшийся рот, иногда лица няни и отца плавали над Зоей в белесых высях потолка, и она не помнила их, только где-то глубоко в памяти выплывало узнавание. Кто это? Няня? Папа? Нет! Это тоже больные ангелы. И мы все мертвые. Только мама – эта кукла на стуле – живая. И Зоя знала: это единственное, что удерживает ее сознание. Если бы не эта кукла, она освободилась бы от тяжелой ваты удушья и полетела бы, как эти мушки, эти

больные ангелы. И мама-кукла ее лечила, протягивая попеременно то горькое, то горячее, то сладкое, то холодное, вытирала ее крошечный лобик, брала на руки маленькую куколку Зою. И девочка знала, что она больной ангел и мама не уйдет, пока ее не вылечит.

* * *

Первое, что Зоя увидела при пробуждении, была спящая в придвинутом к кровати кресле няня с вязанием на коленях. Зоя улыбнулась и решила устроиться поуютнее, чтобы снова заснуть. Стала взбивать подушку, но тут взгляд ее упал на маленький, стоящий рядом столик. От неожиданности она даже вскрикнула. Среди пузырьков с лекарствами, каких-то бумажек и стаканов сидела кукла, замечательная кукла с такими же, как у мамы, длинными каштановыми косами, перекинутыми на грудь, и в мамином любимом летнем сарафане с пышной юбкой почти до щиколоток и красными крупными розами, только во сто раз уменьшенном. Девочка как замороженная потянулась к ней, но тут проснулась разбуженная Полина, забежала, закудаhtала, стала укладывать ее обратно. Зоя, которой няня напомнила мечущуюся курицу, засмеялась.

– Ой, батюшки-светы, смеется, смеется. Зоюшка, радость-то какая, проснулась, ложись, тебе нельзя, вот лекарство, – запричитала «курица» и улыбалась, и плакала одновременно. – А Владимир Михалыч в больнице! Не знает пока. Бульончика пойду погрею, ягодка ты наша, слава тебе господи, оклемалась. Смотри, не подымайся, совсем слабая еще. – И, не прекращая тараторить, нянька вышла из комнаты.

Зоя замерла и боялась посмотреть на тумбочку. Может, ей показалось, и чудесной куклы, похожей на маму, там не было. Немного потерзавшись своими детскими сомнениями, она решила, что нужно всего лишь повернуть голову... Кукла была на месте, и Зоя аккуратно взяла ее, села сама среди мягких подушек и посадила красавицу перед собой.

– Тебя, наверное, зовут Надя? У тебя такие же волосы, как у мамы, и такое же платье.

Цветы на платье были очень аккуратно выведены краской, черные туфельки на маленьких ножках идеально сшиты из маленьких кусочков кожи.

– Откуда ты появилась? – Надя молчала и только внимательно смотрела на девочку красивыми карими глазами, нарисованными искусным художником. Такими же большими и темными, как у мамы. Зоя вспомнила последний разговор с папой. И почувствовала, что все правда, что мама больше не вернется и надо с этим смириться. Стало грустно, хотелось плакать, и силы, только вернувшиеся, казалось, покинули ее. Она прижала к груди куклу и со вздохом легла.

* * *

– Зоинька, ну чудо, просто чудо. Вот, супчика тебе, курочки. Будем здоровьице обратно набирать. – Няня, толкнув боком дверь, вошла с подносом и поставила его на стол. Вкусно пахло едой. Пар клубился от большой фарфоровой чашки, в бульоне плавали две большие половинки яйца. На тарелочке рядом лежали аппетитные кусочки мяса. – Давай, давай, моя хорошая, покушаем немножко. Вот так, под спинку подушечку, чтоб было удобненько. – Устроив Зою, няня присела рядышком и стала кормить ее с ложечки.

– Полинушка, а откуда Надя?

– Вот уже и имя придумала. Это Владимир Михалыч сделал.

– Папа?! Сам?

– Да, вот взял сам и смастерил. Месяц уж ты у нас хвораешь. Как тогда слегла, так и все. Бредила, температурила. Иногда вроде как шла на поправку, а потом раз – и снова. Я все молилась целыми днями, доктора туда-сюда ходили, все знаменитые. Отец пригла-

шал. Только никто ничего сделать не мог. Разных лекарств напропишут – и всех делов. А ты все, золотко мое, не приходишь в себя и не приходишь, Надежду Александровну покойную зовешь, разговариваешь с ней. В общем, с ног мы сбились, только надежда одна, на милость Господа Бога нашего, осталась.

– Нянечка, а что, уже месяц прошел? А кукла-то, кукла?

– Месяц, уж больше, свет мой. Ешь давай. Молодец. Так вот, кукла. Пришел отец, вечер был, ты уж несколько дней болела, а он с чемоданчиком каким-то, и мужчина с ним интересный такой, немного как будто не в себе. Ну это мне, старой, может, так показалось. Усищи у него, как у тараканища, вверх торчат. На шее бант огромный, цветной – и желтый там, и красный – не поймешь. А костюм сиреневый такой и шуба сверху. Калоши снял, а ботинки тоже цветные. Вот потеха-то. А Владимир Михалыч и говорит: «Позвольте, Полина Сергеевна, вам представить, это известный кукольный мастер, господин Клаус Линдт. Будет меня обучать этому прекрасному искусству. Хочу сделать Зоюшке куклу, чтоб не было такой ни у кого. Подайте нам, пожалуйста, чаю в кабинет, а потом ужинать будем». И пошли. Ну, приношу я им чай. Смотрю, чемоданчик разобрали, а там материалов всяких и коробочек видимо-невидимо, и тряпки, и краски, и инструменты – всего полно. Владимир Михалыч и говорит: «Я, Полина, шкаф специальный заказал, стол, лампу. Завтра все привезут. Встреть их, будь любезна». А мне отчего ж не встретить. Потом ужин подала. Этот Клаус все по-немецки бурк-бурк. Только Владимир Михалыч понимает и беседу с ним поддерживает, а я-то ни бельмеса. И с тех пор, как придет домой, сразу в кабинет к себе, сначала с этим мастером, а потом уж один. Будто этот немец сказал, что он ему все основы показал, а теперь отец твой, Зоинька, сам все может делать, потому что вроде как у него хорошо получается. Вот вчера закончил. – Няня кивнула в сторону куклы. – Я как увидела – аж ахнула, сходство-то какое. Посадил вечером к тебе. А ты сегодня раз – и встала, ангелочек наш ненаглядный.

* * *

Сон № 1

После еды и няниных рассказов веки у Зои стали закрываться сами по себе, и она, не помня как, провалилась в здоровый, крепкий сон. Неизвестно, сколько времени прошло, но, когда она открыла глаза, в комнате было темно, и через незанавешенное окно девочка увидела, как с темно-синего неба падает крупный белый снег. Уличный фонарь тускло освещал комнату, по которой разливался отчетливый запах хвои. Зоя села на краешек постели и увидела, что в углу стоит большущая елка и макушка ее, украшенная шпилем, достает до самого потолка. Затаив дыхание, девочка медленно пошла к сказочному дереву. Раскинув пушистые лапы в стеклянных разноцветных бусах, ель тихонечко звенела, и перезвон этот, сливаясь с дурманящим запахом леса, окутывал все вокруг волшебством, как невесомым прозрачным покрывалом. Зое стало радостно и спокойно. Игрушки блестели и переливались, огромные шары, разрисованные диковинными цветами и зверями, завораживали.

– Неужели Новый год? И когда папочка успел нарядить елку, а я даже не проснулась? А ведь здесь должны лежать подарки! – Она раздвинула ветки и, к своей радости, увидев сидящую среди ваты и ярких коробок Надю, взяла ее на руки и вдруг почувствовала под белой с розами тканью ритмичные удары, будто билось человеческое сердце. Зоя ощутила легкий укол страха...

– Здравствуй, доченька, – услышала она тихий родной голос за спиной и обернулась, от неожиданности выронив куклу. На стуле у окна, не глядя на Зою, сидела мама. Лицо ее, точно сделанное из голубоватого льда, было необычайно красиво, но не живой человеческой красотой, а гладью холодного камня или стекла. Две косы покоились на груди. Белое с красными розами платье сверху покрывала широкая шаль, которую мама носила дома. Носки

черных кожаных туфельек выглядывали из-под длинной юбки. – Подойди ко мне, девочка моя. Я так давно хочу тебя приласкать. Ты даже не была у меня на похоронах. Это понятно, тебя не хотели травмировать. А я так грущу по моей любимой деточке. Скажи, скучаешь ли ты без меня?

– Очень скучаю, мамочка, – всхлипнула Зоя.

– А любишь ли ты меня, как прежде?

– Конечно, люблю и всегда буду тебя любить.

– А будешь, как раньше, слушаться свою мамочку?

Для Зои все это было само собой разумеющимся: и любить, и слушаться, и она не знала, как еще ответить. Молча и утвердительно кивнула.

– Тогда подойди ко мне и принеси свою новую игрушку.

Зоя подняла Надю с пола, но с места так и не тронулась.

– Это нехорошая кукла. Она принесет несчастье. Надо уничтожить ее.

– Почему? Ее сделал папа для меня. Она так схожа с тобой, и я ее люблю!

– Я сама к тебе подойду! – Мать встала, шаль, упав на пол, обнажила язвы на руках, протянутых к Зое. – Чтобы забрать эту мерзкую куклу! Ты боишься моих рук? У куклы нет таких болячек? Зато у нее есть сердце! Его надо вырвать! Вырвать скорее, пока это не сделал кто-нибудь другой!

Она приближалась ужасно медленно, но неотвратимо. По Зоиним щекам катились слезы, в которых одновременно смешивались бессилие, ужас и любовь к маме. У нее кружилась голова и не было сил закричать и позвать на помощь. Она все крепче сжимала куклу и шептала: «Боженька, помоги мне, пожалуйста!»

Вдруг за окном словно вспыхнули сотни огоньков свечей и осветили чудесные узоры на стекле, сотканые из морозного серебра, хрустальные блики забегали по комнате, и покойница остановилась, посмотрела туда, где все сверкало и летали странные тени: «Меня зовут домой. Но я еще приду». И образ, постепенно теряя четкие очертания, превратился в легкий дымок и исчез за шторами. Наступила тишина. Крепко прижимая Надю к себе, напуганная и дрожащая Зоя некоторое время сидела под елкой, тупо смотрела в окно и потом шепотом спросила: «А где твой дом? Где он?» Она подползла к кровати и, забравшись с головой под одеяло, начала молиться, как умела, обо всех: о страшной и любимой маме, об отце, о Наде и о себе, да так и заснула.

* * *

Утро встретило ее ярким солнцем и чистым голубым небом. Она потянулась и увидела большую ель, рядом на табуретке стоял папа и прилаживал шпиль:

– Проснулся, ребенок! С добрым утром. А я вот вчера вечером принес эту красавицу, да не стал наряжать, боялся тебя разбудить. Новый год уж через несколько дней. Пора готовиться. – Он ловко соскочил с табуретки, подсел к дочке и обнял ее.

– Я смотрю, кукла тебе понравилась, раз ты с ней спишь.

– Очень, папочка. А ты сделаешь еще другую?

– Обязательно, ребенок.

Зоя ласково потерлась о папину щеку. От ночных кошмаров не осталось и следа тревожных воспоминаний.

– А мне мамочка сегодня снилась.

Владимир Михайлович ласково потрепал дочь по волосам, встал и подошел к окну:

– Чья это шаль? Мамина ведь! Как она здесь очутилась? Она же в комодке лежала. Пойду положу на место. – Папа вышел и унес с собой шаль, но своим недоуменным лицом оставил страшную догадку, что мама приходила, не снилась.

Наступал новый, 1941 год.

Звонок

Москва. Наше время

Как говорится – ничто не предвещало. Утро выдалось прекрасным: солнечным, ярким, голубым, рыжелистным. Катя приготовила на завтрак любимые оладушки Стаса, они вместе ели и много смеялись. Потом Стас ушел на работу, а она устроилась с книжкой на диване и прикорнула. Резкий телефонный звонок вырвал ее из сладкой дремы. Катя, ругаясь, пошла искать телефонную трубку.

– Какого черта, так сладко спалось, – ворчала она, пока телефон надрывался.

– Привет, Катюш, узнала?

Как она могла не узнать? Ноги подкосились, а сердце ухнуло и провалилось в область желудка.

– Сереж, ты?

– Ну а кто еще? Ты ожидала услышать кого-то другого?

Обычная его хамская манера.

После того, как перекинулись двумя-тремя ничего не значащими фразами, он предложил встретиться.

– У меня времени нет.

– Катюш, ну чего ты врешь. Вот сейчас ты спала. Неужели ты для бывшего друга не выкроишь пару минуточек?

– Я не могу.

– А что так? Тебя ведь не в койку тащат, так, кофейку попить, поболтать по-товарищески со старым знакомым. Или мужа боишься? Хочешь, я с ним поговорю, попрошу его, чтобы он тебя со мной отпустил.

– А как же твоя Лада? Если она узнает?

– Во-первых, Лада взрослая и умная женщина, она из-за таких глупостей не истерит, в отличие от некоторых, кстати. Во-вторых, ну у тебя и самомнение. Ты думаешь, если тебя зовут на встречу, то все – любовь до гроба и так далее. А что человек просто соскучился по доброй старой подруге, захотел тебя увидеть, за жизнь потрещать, узнать, как дела, – такой вариант отпадает.

– У меня в три английский.

– Никто не спорит, ученье – свет! Но сейчас только 11 утра. Где у тебя занятия, далеко?

– Да нет, рядом совсем.

– Так я к метро подъеду, сходим в вашу местную забегаловку, а потом доставлю тебя обратно в лучшем виде. Короче, в «Парусе» через час.

– Ладно, – ответила она, но в трубке уже звучали частые гудки.

Рубиновое сердце

Ленинград. 192... год

К тому времени, как будущая Зоина мама Надежда Александровна закончила бывший Петербургский женский медицинский институт и стала работать врачом, уже успела произойти революция. Мать Нади, совершенно не интересовавшаяся дочерью, вышла замуж за француза и, собрав оставшиеся драгоценности, укатила в Париж, а новое правительство оставило девушке одну комнату в их бывшей огромной квартире. Где Надя и жила теперь вдвоем с няней Полиной, которая первый раз взяла ее на руки, когда была еще моложе своей нынешней воспитанницы. Отец умер несколькими годами раньше. Известный врач из старинной докторской династии, он очень любил свою жену. Не просто любил, а буквально сходил по ней с ума. Та же не отвечала ему взаимностью, и, не выдержав ее измен, он начал пить, увлекся кокаином, игрой, а потом его нашли у себя в кабинете мертвым. Он застрелился.

За Надей тянулся шлейф ее родственников, практически врагов народа. Она уже много лет работала в районной больнице и была уверена – это самое большое, на что она могла рассчитывать в жизни. Она ни с кем не встречалась, хотя мужчины обращали на нее внимание. Ей совсем никто не нравился, а просто так, лишь бы был, она не хотела и думала, что умрет старой девой. И на всякий случай всегда молчала. Любое ее слово могло быть не так истолковано, любое ее мнение воспринималось с предубеждением. Она прослыла букой, одиночкой, зазнайкой, и ее даже не пригласили на лекцию профессора Светланова, приехавшего из Москвы. Она познакомилась с ним потом, в больничной столовой. За одним из столиков он увидел хрупкую и грустную девушку. Коллеги сидели по двое, по трое, болтали, обсуждали свои дела. А она была совершенно одна, и он, отмахнувшись от свиты, направился к ней. Влюбился сразу и в ее темные глаза, и в тихий потусторонний голос, и в бледную кожу, под которой мерцали тонкие голубые жилки. Она выглядела такой трогательной, загадочной и нежной, что сразу захотелось защищать и оберегать ее от всех бед, сделать ее спокойной и счастливой. И коллеги, и сама Надя предупредили его, что она не на хорошем счету у власти. Что из-за этого знакомства у него могут случиться неприятности. Но зато сам Владимир Михайлович был на слишком хорошем счету: за большой талант, за золотые руки и за несколько спасенных жизней Очень Важных людей.

В городе на Неве ему оставалась еще неделя. И когда начался отсчет дней, приближающих отъезд, он поставил себе цель уговорить Надю выйти за него замуж и согласиться переехать в Москву.

На следующий вечер они пошли гулять и бродили по Петербургу всю ночь. Владимир Михайлович держал Надю под руку, и им обоим не верилось, что вот так просто, в больничной столовой, можно встретить родного человека. Гуляли по темным городским улицам, болтали, смеялись, рассказывали друг другу всю жизнь «до». И в районе одного из переулков за ними стала следить пара глаз. Мелькая неслышной тенью вдоль стен, укрываясь в арках, преследователь еще с полчаса шел за ними, а потом решил – можно.

– Дяденька, а дяденька! Ты и вправду такой добрый, как прикидываешься?

Маленький мальчик в грязном пальто с короткими рукавами, в заломленной на бок ободранной ушанке, снятой с головы какого-то взрослого, и с чумазой мордашкой дергал Владимира Михайловича за рукав.

– Мальчик, ты откуда взялся? Что так поздно делаешь на улице?

– За вами слежу!

Взрослые, улыбнувшись, переглянулись.

– А где твои родители? – спросила Надя.

– И зачем же мы вам понадобились, молодой человек? – одновременно с ней спросил Владимир Михайлович.

– А я добрых искал. Вы ж не обманете и в участок не отведете?!

– Ты лучше не юли, говори прямо, что нужно?

– А не обманешь?

– Вот заладил, хорошо, не обману.

Мальчик раскрыл сжатый до этого кулак, и на его ладони красным сверкнул большой рубин.

– Дяденька, купи стеклышко.

Профессор осторожно взял камень и стал его разглядывать.

– Украл?

– Чего сразу украл-то? Вчера ночью старуху-процентщицу кокнули и ограбили. Она на последнем этаже живет, целую хватуру занимает. Занимала, то есть. Ну а мы в подвале. Я домой идти боялся, за день ничего не заработал, думал, батька пьяный до смерти заругает. Вот под лестницей и заночевал. Слышу – идут сверху. Ну я шевельнулся, спугнул их, они побежали, да выронили что-то, рядом шмякнулось со мной на землю. Я рукой-то пошарил и этот камушек нашел. Вот и подумал, надо выследить кого, чтоб и при деньгах, и добрый. А в лавку к кому идти, так начнутся расспросы или обманут. Ты ведь не обманешь, а, дядь?!

Они слушали, раскрыв рты. Это был большой, крупный рубин и, похоже, очень дорогой.

– Ты где живешь-то сам?

– А вам зачем? Берите камень, давайте деньги. Я ничего не воровал. Нашел. А бабке этой так и надо. Сколько людей от нее в слезах уходило. Жадная была, вот и поплатилась.

– Вот что, парень. Камень этот дорогой. На вот все деньги, какие у меня есть, а завтра встретимся, и остальное получишь.

Мальчик радостно рассматривал бумажные купюры.

– Что, и еще дадите?

– Дадим.

– А в милицию не пойдете?

– Нет.

– Ну ладно. Живу я на Лиговке, от прачечной на углу второй дом. Спросите Ваньку Рыбина.

И он припустил.

– Завтра пойду в участок, выясню, что там случилось. Может, камень как улика поможет преступников найти. А за мальчиком надо присмотреть. Не дело, что папаша его обижает. Парню в школе учиться надо.

На следующий день профессор пошел в участок. О преступлении на Лиговке, связанном с убийством старухи, никто и не слышал. Когда Владимир Михайлович подошел ко второму дому от прачечной, тот оказался старым развалившимся одноэтажным строением с забитыми досками окнами. Ваньку Рыбина никто не знал. Профессор несколько дней думал об этой истории, а потом забыл. Он уехал в Москву, за ним переехали Надежда Александровна с Полиной, поменяв комнату в Ленинграде на жилье в Москве. Камень, мистическим образом попавший к ним, остался. Они считали его их тайным знаком, их общим Рубиновым сердцем. Прежде чем родилась долгожданная Зоя, они прожили вместе много счастливых лет.

Комната страха

Она совершенно не понимала, где находится. «...меня все равно найдут, обязательно скоро найдут. Будут искать и найдут. Уже скоро все начнут волноваться... Но сколько же я здесь? Как я оказалась в этой постели? Со связанными руками. И что значат слова: «Скоро будет хорошо»?

Вопросы теснились в голове, и на мгновение она даже забыла, что лежит в собственной рвоте. Стала вспоминать, что было до этого. Они пили какое-то вино, и ей стало плохо. Появилась крохотная надежда – может, она потеряла сознание, и ее просто положили на кровать – но тут же растворилась в гнетущей темноте. Если б о ней заботились, то уж точно не оставили бы лежать в блевотине, вызвали бы врача. Она почувствовала омерзительный запах. Жижга на груди, на лице, на шее постепенно высыхала и стягивала кожу. Захотелось крикнуть, но получился только слабый стон. Он растаял в вязкой тишине. Снаружи не доносилось ни звука. Еще раз попробовала освободить руки – бесполезно. Она была слишком слаба и понимала только: с ней происходит что-то ужасное. И рядом находится психически больной человек. Потом она снова устала бороться и, потеряв последние силы в схватке со связанными руками и собственными мыслями, почти заснула. И к ней в полузабытьи пришли воспоминания.

Когда она была совсем маленькая, у нее ночью разболелся зуб. И мама повезла ее в ночную дежурную поликлинику. Ехали в такси по ночной Москве. Она прижималась к маме, боль пульсировала и была нестерпимой. Потом ее оставили одну в кабинете, просили открыть рот, стучали какими-то железными инструментами, а потом взяли и вырвали больной зуб без предупреждения. Она кричала и плакала, ее заставили держать рот открытым – что-то там обрабатывали, и запахло чем-то резким, то ли эфиром, то ли спиртом, может, нашатырем. Внезапно она вздрогнула – рядом, на краю постели, вырисовывался темный силуэт, и его жилистые и, как оказалось, очень сильные пальцы держали ее за челюсть, очень больно, а к носу прижимали мокрую тряпку, пропитанную непонятным едким раствором. Рука давила на нос, на зубы так сильно, будто хотела их раздавить.

– Давай уже, просыпайся.

Девушка открыла глаза.

– Ну вот и хорошо. Не зли меня, а то плохо будет.

– Зачем я вам? – Рот еле открывался. Подступил острый приступ голода и жажды.

– Просто мне очень захотелось, и вот ты здесь. Такой сюрприз. – Снова раздался смех, тихий и удовлетворенный, за ним молчание, а потом надтреснутый голос, сопровождавшийся вонючим дыханием, доверительно и по-деловому сообщил: – Хочу отомстить кое-кому. А для этого ты должна сполна насладиться страданиями.

Часть мозга еще сопротивлялась, не хотела верить в то, что услышанное – правда.

– Дайте мне воды, пожалуйста, – только и смогла произнести девушка.

Начало войны. Морг

Москва. 1941 год

Накануне Рождества (его справляли тихо, без гостей, и Зою просили не болтать подружкам во дворе, от этого запрещенный праздник приобретал для нее еще большую таинственность) под огромной елью в гостиной появилась большая коробка, перевязанная пестрыми лентами. Зоя не могла найти себе места и каждые пять минут бегала в гостиную смотреть на часы.

В центре стола уже красовались утка и большой яблочный пирог. От яркого света радужно вспыхивал хрусталь, переливался тончайший фарфор, и накрахмаленные салфетки, охваченные серебряными кольцами, торчали, как маленькие айсберги на снегу кипенно-белой скатерти, в высоких подсвечниках горели и оплывали свечи. Елка сияла десятками разноцветных огоньков. Полина, нарядная, в платье с кружевным воротничком и манжетами, наводила последний лоск.

– Ну, дорогие мои, милости прошу к нашей лесной красавице. Что там прячется у нее под ветками?

От няни все в подарок получили вязаные теплые носки, Полине от Владимира Михайловича досталась теплая шаль, а Зоя нарисовала новогодние картинки. На картинке для папы неумелой детской рукой были изображены две одинаковые куклы, сидящие под елкой. Под одной было написано «Надя», под второй, отличие которой от Нади состояло в том, что на плечах у нее была надета шаль, стояла подпись «Мама».

Пока все восторгались и обменивались благодарностями, девочка наконец-то развернула ленты, бумаги, распаковала коробку, и там, в ворохе деревянной стружки, обнаружила то, чего никогда не ожидала, да так и сидела, изумленная увиденным. Это была самая настоящая Снежная королева. Больше всего Зоя любила сказки Андерсена. О диких лебедях, русалочке она могла слушать бесчисленное количество раз. Особенно она любила смелую Герду, которая отправилась выручать своего названного братца к Снежной королеве. Сколько раз она себе представляла это белое, с высокими скулами и раскосыми злыми зелеными глазами лицо. Губы – надменно изогнутая тонкая линия. Узкий нос с горбинкой. Белоснежная накидка, накинута на такого же цвета платье, расшитая узорами из перламутровых блесков, с оторочками из меха. Из-под одежды выглядывали белые атласные сапожки. Все в ней было идеально, ровно, просчитан каждый стежок, каждый ноготок, каждый волосок белой, обернутой вокруг головы в виде короны косы. Рядом с владычицей северных снегов лежали Герда и Кай. Сколько раз Зоя думала, что, если бы у нее был брат и его украла бы королева, она тоже пошла бы на его поиски и представляла себе всякие подвиги.

Герда была в деревянных башмачках и простеньком платьице, перевязанная шерстяным платочком, белокурая, ясноглазая, с легким румянцем на щеках. Кай тоже казался настоящим, с пепельными вихрами, торчащими в разные стороны, карими веселыми глазами.

– Папочка, папочка, неужели это все ты сделал сам?! – бросилась Зоя к отцу, страшно счастливая.

Раздались восхищенные возгласы няни: «Ну, Владимир Михайлович, ну мастер, надо ж такое сотворить, чисто живые, а королевна-то, королевна, аж мороз по коже, до чего злющая рожа».

– Они и есть живые, – закричала Зоя. – Только будут перед вами притворяться. И говорить станут только со мной. Можно я пойду в детскую?

– Сначала поешь, никуда не убегут твои игрушки!

– Полина, это не игрушки, я же говорю, они живые. И папа сказал, – закапризничала девочка, но послушно села за стол. Коробку поставила рядом.

– Забивают ребенку голову всякой ерундой, – заворчала себе под нос няня, раскладывая по тарелкам аппетитную утку. – Куклы, они и есть куклы. Хоть и красивые.

Хозяин дома разлил в два бокала шампанское, дочке налили газировки. Стол оказался накрыт на четыре персоны. Пустующий стул Надежды Александровны был немного сдвинут в сторону, будто она ненадолго вышла и сейчас вернется.

– Ну, с праздником вас, дорогие мои! С Рождеством Христовым! – Владимир Александрович поднял бокал. Зазвенело, соприкасаясь друг с другом, тонкое прозрачное стекло.

– С Рождеством, мамочка! – Зоя подошла к маминному месту и прикоснулась своим фужером к ее нетронутому. – А почему вы не чокаетесь? – обратилась она к остальным. – Мама же с нами, только она сейчас невидимка.

Полина с отцом переглянулись и вздохнули, но присоединились.

* * *

Этой осенью Зоя должна была пойти в школу. Все близкие переживали, как пройдет этот важный шаг в жизни девочки. Так сложилось, что у Зои никогда не было близких друзей, она почти не общалась с детьми во дворе, все время проводя с няней и со своей семьей. И если когда была жива мама, они любили гулять с ребятней из их дома, то теперь Зою можно было вытащить на улицу только под предлогом помочь Полине по каким-нибудь домашним делам, сходить, к примеру, на рынок. В основном она предпочитала сидеть дома и ждать папу. К тому же малышка день ото дня все больше погружалась в свой придуманный мир, где оживали игрушки и была рядом мама. Но эти такие понятные человеческие трудности ушли на задний план, когда в июне в жизнь этой и миллионов других семей внезапно ворвалась война.

* * *

Через несколько дней профессор Светланов в составе медицинской бригады добровольцем отправился на фронт. Полина пристроилась санитаркой в больницу, и девочку брала с собой. Зоя почистила большую корзину, в которой раньше хранились овощи, застелила ее уютно тряпочками и носила с собой кукол. Вот с этой корзиной она ходила среди раненых и показывала им придуманные ею маленькие спектакли, пела песни, читала стихи, и солдаты очень любили маленькую артистку, всегда радовались ее появлению. А навещала она их часто. Работы становилось все больше, и Полине приходилось оставаться здесь целыми сутками, а Зое все меньше хотелось идти в одинокую квартиру, где теперь, как и в царстве Снежной королевы, царили холод, тишина и одиночество. Полина валилась с ног от усталости, любя по-прежнему свою маленькую воспитанницу, может, даже еще и сильнее, но не уделяя девочке столько внимания, как прежде. И маленький ребенок шел туда, где любви и внимания было вдосталь, – к таким же обделенным чувствами и заботой, молодым и старым, изувеченным войной солдатам.

– А вот и наша артистка идет!

– Всем бы такую няньку, тогда все на следующий день на своих уже бегали б.

– Поди-ка, доча, я вон мальчонке твоему шапку сгношил, а то его эта зараза сворует, а как он там на полюсе без шапки, нехорошо, хоть из бумаги, да лучше, чем никакой!

– Спасибо, дядя Матвей!

– На-ка, примерь! Эх, ладно сидит. Как война кончится, пойду шапки точать. Ну, расскажи-кась, как сегодня мы злыдню-то твою зеленоглазую победим.

И Зоя вдохновенно начинала свой ежедневный спектакль. Со временем королева превратилась у нее в фашистского врага и брала Кая в плен, а Герда и Надя были партизанами,

или солдатами, или медсестрами и бесстрашно спасали его. Солдаты только успевали комментировать с шутками и прибаутками Зоины неиссякаемые фантазии. После спектакля Зоя в который раз показывала всем свои игрушки, рассказывала, что папа у нее врач и он на фронте тоже лечит раненых и борется с немцами, поэтому у него нет времени и он не пишет.

Как-то вечером, во время очередного представления, когда все опять хохмили и радовались за победу «наших» над «не нашими», девочка заметила, что Саша, совсем молоденький солдатик лет восемнадцати, всегдашний заводила и шутник, красивый бледный мальчик с большими карими глазами, не балагурит, как обычно. К слову сказать, Зоя была втайне (как она думала, а солдаты все время подтрунивали над Сашком по этому поводу) в него влюблена, конечно, совершенно по-детски, но ее задело такое отношение. Как он мог заснуть, может, притворяется. И ловко пробравшись сквозь нагромождение кроватей, она потянула его за руку:

– Я так не играю, ты чего не смотришь? – Рука была холодной и странно твердой и гладкой, словно восковой. Парень не отвечал. Приподнялся на локте новенький, с соседней койки.

– Кликни-ка доктора, дочка, – ласково сказал он, но лицо его стало встревоженным. – Он тебе его вмиг разбудит. – И Зоя послушно пошла за врачом. Вернулись в палату.

– Носилки, – коротко сказал врач сестре, стоявшей рядом, и удалился. А сестра пошла искать санитаров, и в глазах у нее стояли слезы.

– Не пожил, совсем еще мальчишка, – всхлипнула она. На Зою, тихонько притаившуюся рядом, никто не обратил внимания. Ошеломленными, широко раскрытыми глазами, красноречиво говорившими о полном непонимании и неверии в происходящее, она смотрела на мертвого.

– Эх, лучше бы я помер, – вздохнул Матвей. – Иди ко мне, доча. Не горюй.

В этот момент прибыли санитары, переложили солдатика на носилки и повезли.

– Я немножко его до коридора провожу, – ответила Зоя пожилому солдату и тихонько пошла следом.

Погрузились в лифт. Персонал больницы привык, что Зоя вечно бежит по разным этажам, и никто не задал лишних вопросов. Первый этаж. Носилки подвезли к большой железной двери, лязгнул тяжелый засов, показался длинный, плохо освещенный тоннель. Здесь прятаться будет сложнее, но санитары, не ожидающие, что рядом может находиться еще кто-то, были увлечены своим разговором.

– Погоди-ка! – сказал один.

Остановились, он достал папироску, прикурил. Зоя чуть не чихнула от терпкого запаха дыма и удивилась, как буднично воспринимают эти люди смерть. Куря одной рукой, а другой подсобляя товарищу, парень двинулся дальше.

– Прибыли. – Дверь была лишь прихвачена крючком. Ее широко открыли, и помимо табачного дыма в нос ударил незнакомый противный запах. Смесь лекарств, хлорки и трупов. Запах смерти. Девочка приостановилась, но раздумывать было некогда, и она юркнула в страшный зал, спрятавшись за шкаф.

– Эх, ребята, что-то много вас нынче накопилось, – шутил тот, что курил. – Не едет за вами провожатый, а пора бы. Передеретесь ведь из-за свободных столов. Не знаешь, чего шофер задерживается? Еще денек и трамбовать их придется.

– Да небось в других местах он тоже нужен. Что поделать, война...

Сашу сняли с носилок, положили на стол, под бок кому-то. Мелькнули спины, звякнул крючок, погасла единственная тусклая лампочка. Зоя осталась в темноте. Ей стало страшно, она села на корточки рядом с дверью и в ожидании санитаров задремала. Вздрогнула и очнулась, когда услышала знакомый шелест колес по кафельному полу и голоса сопровождающих. Вскочила, затаилась. «Надо будет потом свечку найти и спички», – промелькнуло в

голове. Мгновения хватило на то, чтобы тихонько проскочить за спинами в белых халатах и побежать по неяркому коридору к железной двери. Первым делом пошла в комнату, где в редкие свободные минуты отдыхали врачи. Ей повезло – там никого не было. Девочка открыла шкаф и стала быстро осматривать полки. Чай в коробке, стаканы, ложки. Все не то, не то. Взяла стул, чтобы забраться повыше. Вот чайник, какие-то папки. Наконец за папками она обнаружила несколько свечных огарков и коробок со спичками. Быстро завязала все это в валявшуюся тут же косынку и вернулась в палату, откуда забрали Сашу, спрятала узелок на дно корзины и пошла искать Полину, которую застала за стиркой.

– Зоюшка, лапушка, давно я тебя не видала. Ты уж прости меня, совсем я тут замоталась, некогда и внимания деточке моей ненаглядной уделить. Вот, погоди, сейчас дополоскаю белье, да попьем с тобой чайку.

– Нянюшка, а если солдатики умирают, они, как и мама, тоже к ангелам отправляются?

– Конечно, боженька прибирает их к себе. Здесь-то им было плохо, а на небе будет хорошо.

– Они и маму могут увидеть?

– Отчего же нет, могут и Надежду Александровну, царствие ей небесное, повидать, – и Полина три раза перекрестилась, на секунду отрываясь от бака.

– Полинушка, я пойду. А то меня ждут. Чайку потом попьем.

– Ну, ступай, ступай, ягодка моя, затейница. Люди-то на тебя не нахвалятся. – Опять склонилась над мутной водой, вздохнула. – Добрая девочка, вся в мать, сердце золотое.

А Зоя пошла по палатам и по коридорам. Опять сочиняла, показывала представления, разговаривала со всеми. Осталось только дожидаться, чтобы кто-нибудь умер.

Мертвые друзья. Письмо с фронта

Москва. 1942 год

Скоро снова появилась следующая печальная возможность для задуманного Зоей визита. Поздним вечером она увидела знакомых санитаров с носилками и тихонько проследовала за ними. Зная расположение дверей и закоулков, пряталась она гораздо легче. Вот тот же тошнотворный запах, вот уже она за шкафом, вот закрывается дверной крючок и слышится разговор: «Ну все, теперь, надеюсь, до утра. Пойдем-ка и мы отдохнем». И в этот момент Зоя испугалась. Как до утра? Они вроде постоянно сюда приходят. Девочка вскочила, приложила ухо к холодному железу. Голоса удалялись. «Кричать или не кричать? Кричать или не кричать?» – стучало в голове. И все же она начала колошматить кулачками в дверь, но ее уже никто не услышал. Она в панике нащупала корзину, зажгла огарок и с помощью слабого огонька попыталась обнаружить щель в двери – может, удастся поддеть засов? Ни одного просвета. Оглядела помещение, глаза привыкали к темноте. Кругом – горы человеческих трупов. Зоя, обняв Надю, села возле выхода и решила ждать, пока кто-нибудь появится.

Неизвестно, сколько прошло времени, а только девочке показалось, что целая вечность, и огарок давно догорел. Внезапно она услышала шорох и, приложив ухо к двери, поняла, что это не оттуда. Сердце сжалось, и она медленно обернулась. Наверное, крысы? – Слезы ручьями потекли по щекам. Крыс Зоя боялась, пожалуй, больше всего на свете. Возня усилилась, и раздался слабый стон. Зоя задрожала и вжалась в стену. Куда было деваться испуганному ребенку? Не к мертвецам же наверх залезать? Кое-как ей удалось зажечь еще один огарок, и в темноте она увидела, как на одной из столешниц кто-то зашевелился. Пересилив страх, девочка приблизилась.

Голова мужчины была перевязана, лица не видно, только провалившиеся глаза черными кругами выделялись на фоне бинтов. Он медленно, со стоном повернул голову на свет свечи, увидел Зою.

- Где это мы?
- Куда мертвых привозят.
- В морге, что ли?
- Наверное. А вы назад вернулись, с неба?
- Считаю, что так. – Подобие улыбки отразилось на его лице.
- Вы видели мою маму?
- Когда ж?
- Вы ведь с неба вернулись?
- Получается, мамка твоя померла?
- Она просто ушла в другую страну, но уже один раз приходила, как и вы.
- Когда ж это она к тебе приходила?
- Ночью один раз и платок оставила.
- И ты не побоялась?
- Немножко.
- Эх, милая, небось переполнено сейчас в стране-то другой, вот меня и вернули. А мамка когда померла-то?
- Не померла, а ушла, – настойчиво поправила Зоя. – Еще до войны.
- Заболела, что ли?
- Сначала заболела, кажется.
- А здесь ты как оказалась?

– А сюда Сашу солдатика принесли. Я за ним пошла. Он где-то там лежал. – Она показала пальчиком в темноту. Когда снова посмотрела на него, «оживший» человек спал и прерывисто дышал во сне.

Зоя почувствовала, что очень устала. Она села на корточки, прямо тут, привалилась к ножке стола, и тоже задремала.

А утром наконец-то пришли санитары. Солдат уже проснулся, он повернулся на бок и смотрел на спящего ребенка. Увидев людей, приподнял руку, чтобы те заметили. Ничуть не удивившись подошедшим сказал:

– Вот напасть, живого к мертвякам положили. Очнулся, смотрю, девчонка тут стоит. Близкий, видать, кто-то помер, вот она втихаря и пробралась.

Зоя крепко спала на полу. Один из санитаров поднял ребенка на руки:

– Так это Зоя, артистка наша. Нянька у нее тут работает. Управитесь без меня пока, пойду к Полине ее отнесу. Небось обыскалась девчонку.

Нашли Полину, положили Зою у нее в закутке. Спала она долго, а когда проснулась, за окном уже смеркалось. Очень хотелось есть. Порыскала в тумбочке, нашла кусочек хлеба. Это няня для нее припрятала, она всегда ей что-нибудь да оставит. Не спеша съела, припоминая события прошлой ночи. Как она тут оказалась? Помнит только солдата, вернувшегося с неба. Где он? Корзинка рядом. Надя! Куклы не было. Неужели осталась в морге. Надо срочно бежать. И с Сашей успеть увидаться, пока его не заберут, успеть бы маме письмо передать. Хорошо, что Полина находила время заниматься с ней весь этот год, и она уже умеет писать все буквы из азбуки. Правда, еще коряво и не прописью, но маме все равно, она и так будет рада. Быстрее, быстрее. Бедная Надя. Должно быть, ей там скучно и темно. Зоя нашла клочок бумаги, огрызок карандаша, написала большими буквами: «Дорогая мамочка! Я по тебе очень скучаю. Приходи ко мне еще. Твоя дочка Зоя». Теперь надо достать ключ. Только как? И она пошла искать Полину.

* * *

Старая няня перестилала кровать в одной из палат:

– Ягодка моя, свет мой, как ты там, в морге-то? Страху-то небось натерпелась, кровинушка моя. Как только ноги тебя туда понесли? Никак бес рогатый попутал. – И принялась размашисто креститься и плевать через плечо.

Зоя терпеливо выслушала нянины излияния и сказала:

– Полиночка, золотая моя нянечка, не переживай. Видишь, все хорошо. И совсем не страшно было. Ко мне солдат пришел, добрый такой. Я только Надю там забыла. Кого можно попросить сходить за ней?

– Я сама схожу. Вот закончу стелить и схожу.

– Полиночка, ей там плохо. Надо быстрее. Ты скажи, у кого ключи, я попрошу.

– Ну что с тобой поделать. Постреленок. Только из морга, а уже шустрит. Завхозу, что дежурит, все ключи сдают. Не знаю, кто сегодня. То ли Людмила, то ли Никита Иваныч. Иди, на первом этаже должен быть.

– Спасибо, нянечка. – Зоя звонко чмокнула Полину в щеку. – А я хлебушек съела. Спасибо тебе.

– Приходи потом, кашки положу. Куском хлеба за весь день сыта не будешь.

– Хорошо, – крикнула она уже на бегу.

Никита Иваныч, дежуривший сегодня старый завхоз, выпивал, когда предоставлялась такая возможность. В больнице этого не одобряли, но на пьянство старика закрывали глаза. Во-первых, за много лет службы никаких промахов за ним не числилось, во-вторых, людей сейчас по пальцам перечесть, и уволить хоть и пьющего человека было бы непозволительно.

Зоя быстро нашла комнатку, на двери которой висела табличка «Заведующий хозяйством». Приоткрыла створку. Вот и сейчас Никита Иванович, с утра уже раздобывший спирт, мирно похрапывал на кушетке. Рядом лежала заветная связка. Подкравшись на цыпочках к столу, девочка стала ключи разглядывать – какой нужный, должно быть, самый большой. Не угадаешь. Только железная дверь совсем близко, а на другой висит крючок, так что, пока завхоз спит, можно быстренько проверить. Как можно тише она стянула связку со стола и, спрятав за пазуху, пошла на разведку. Нужный ключ нашелся почти сразу, к тому же их было два. Отцепив один, она вернулась и, тихонько положив все на место, убежала. Няне сказала, что ключи не понадобились и игрушку уже принесли санитары. Теперь надо дожидаться ночи, чтобы расстроенная Полина вдруг не начала поиски.

* * *

Было совсем не страшно. Умершие солдаты, лежавшие на столах, почти ничем не отличаются от живых. С ними так же можно разговаривать, им можно показывать свои маленькие спектакли. Они даже лучше живых. Они уйдут к маме и смогут с ней разговаривать. Можно и самой уйти, но тогда папочка и Полина останутся одни и им будет грустно.

Игрушка валялась на том месте, где Зоя ее оставила.

– Прости, Надя, меня унесли, пока я спала. Пойдем, попросим Сашу передать маме письмо. – Держа в одной руке плавающую свечу, в другой куклу, девочка двинулась меж мертвых рядов. С переполненных столешниц свисали руки и ноги, удушливая вонь наполнила этот большой гроб. – Я не боюсь. Так и должно быть. Здесь страшно и грязно, а в другом мире красиво, чисто и светло. – Не увидев своего недавно еще живого друга там, где, как ей показалось, его положили, она стала искать, всматривалась, поднося пламя к серым застывшим лицам. – Неужели опоздала? Увезли в тот раз. Как отправить письмо? Никого знакомых. Как думаешь, Надюша, наверное, надо подружиться с кем-нибудь. – Поглядела вокруг. – Столько людей, кому же передать записочку? – Вот лежит человек, у него повязка на глазах, он не увидит. Вот парень с оторванными руками – нет, не ему. Вот этот похож на деда Матвея – широкое лицо, усы, борода, – передам ему. – Простите, пожалуйста, что тревожу. У меня к вам просьба. Вы не могли бы передать эту бумагу моей маме? Она очень похожа на Надю. У нее и платье такое, и косы. И глаза большие такие. – Поднесла куклу к восковому лицу. – Вы не перепутаете, она очень красивая и добрая. – Засунула записку в карман гимнастерки. – Спасибо вам большое. – И пошла к двери, но, прежде чем уйти, повернулась ко всем: – У вас тут так одиноко и тихо. Я еще приду, и мы покажем вам представление. До свидания. – Тихо скрипнули петли. Неслышно прошмыгнула по темному коридору маленькая фигурка. Ее мысли и душа уже не принадлежали этому миру. Придя к себе, она сказала Снежной королеве: – Ты очень красивая, но гадкая и злая. Тебе мало одного Кая, ты решила заморозить и солдат, но я-то знаю, что они живые, что им нужны доброта и забота. Я буду ухаживать за ними.

Почти каждую ночь Зоя пробиралась к своим новым друзьям. Пару раз ее чуть не застали, но она знала все укромные уголки на своем пути и ловко пряталась. Она прижималась к каждому, стараясь согреть сердце, чтобы из него вышли осколки волшебного стекла. И очень расстраивалась, если по той или иной причине ей не удавалось уделить внимание всем. Она пела колыбельные, рассказывала сказки и стихи. Укрывала простынями свесившиеся руки и ноги, журила за грязные ногти и запачканную одежду, рассказывала о своей маме, об отце, который на фронте, и еще он умеет делать кукол. Она писала и передавала записки. Дневные выступления пришлось сократить. К няниной радости, Зоя стала много спать днем.

О пропавшем ключе Никита Иванович никому не сказал. Ну выпал где-нибудь по пьянке, так запасной есть.

* * *

А через некоторое время Полина получила от Владимира Михайловича конверт, в котором лежали два письма. Одно для няни:

«Дорогая Полина! Прости, что не писал так долго. Медсанчасть, в которой я служу, попала в окружение, и долгие дни проходили в полной тишине, пока наступление наших не открыло выход из этого тяжелого положения, и теперь я могу послать вам весточку. Дорогая наша Полина, ты сама знаешь, как непредсказуема жизнь. Это доказывает и то, как внезапно ушла от нас Наденька, и то, что началась эта ужасная война. Здесь, на фронте, в любую минуту можно погибнуть, поэтому я не буду о себе, а напишу главное, в надежде, что ты получишь это письмо. Надино сердце хранит то, что вам поможет в случае, если меня не станет. Надеюсь, ты догадаешься. Будь внимательна. Зоиньке сообщи обо всем по своему усмотрению. Надеюсь, Полинушка наша родная, что ты позаботишься о дочке, если со мной что случится. Письмо лично для нее шлю отдельно, а про это не говори.

Душой всегда с вами. Владимир».

Второе для Зои:

«Любимая моя доченька!

Долгое время мы были в окружении, но славная Красная армия разбила вражеские отряды, и теперь я могу тебе посылать письма, а ты мне. Как ты там живешь, дорогая моя девочка? Слушаешься ли Полину? Играешь ли в свои куклы? Занимаешься ли самостоятельно письмом? У меня все хорошо. Я лечу раненых солдат. Надеюсь увидеть тебя, доченька моя, как можно быстрее. Всегда помню о тебе и очень тебя люблю.

Твой папка».

Полина отложила письмо для Зои и стала размышлять, что это Владимир Михайлович написал про Надино сердце. Грешным делом подумала, уж не рехнулся ли доктор от всех этих жизненных потрясений. Думала и про могилу Надежды Александровны. Неужто туда лезть придется, коли чего. При таких мыслях крестилась. Свят-свят. Как-то ранним утром она прибиралась в комнатенке, где они с Зоей спали, и взгляд ее остановился на корзине с игрушками. «Надя! Кукла Надя! – внезапно пронеслась мысль. – Ну, конечно!» Зоя еще не проснулась, и Полина достала куклу и стала ее ощупывать. Под корсажем платья пальцы наткнулись на что-то твердое. Потрогав получше, она решила: «Похоже на камень! Так вот что имел в виду Владимир, когда говорил о сердце. Хорошо, что допетрила, старая дура! А то решила, будто хозяин с ума сошел, да про могилу покойницы Надежды Александровны чего удумала. Тьфу-тьфу. Ну да пока ничего, слава богу, не случилось, и не стану смотреть, что там. А потом видно будет. Главное сберечь куклу».

* * *

Москва, 199... год

Единственная школа, находившаяся совсем рядом с домом, была очень престижная французская спец. Мать, уверенная, что дочку туда точно не возьмут, а водить ее куда-то, а тем более возить она не собиралась, все же подала документы. А Катю взяли.

– Повезло дуре, – прокомментировала Валентина.

Всем, кроме нее, было очевидно, что Катя хорошенькая и смышленная девочка. Немного диковатая, но это, бывает, сходит за скромность. В шесть лет она уже научилась самостоятельно читать. Но Валя, поглощенная своими женскими переживаниями и проблемами, к которым, по ее мнению, была причастна и Катя, не оценила этого. Дочка убирала и даже готовила себе и маме утром кофе и яичницу, вечером картошку или макароны. Но и это не помогало. «Кофе несладкий, яичница пережаренная, макароны недоваренные, картошка разварилась. Руки у тебя, Катя, из задницы растут! Никакой помощи, лучше бы и не бралась», – всегда слышала она. И очень грустила.

Когда ученицы были маленькие, социальная разница не чувствовалась столь остро. Девочки еще не начали хвастаться, у кого кем работает папа и из какой страны они только что приехали, а мальчики интересовались машинками. Хотя уже тогда Кате очень хотелось иметь и симпатичный ранец с Микки Маусом, и вкусно пахнущий ластик, и кожаный пенальчик на молнии.

В старших классах все изменилось. Девочки стали делиться на группы по интересам и положению родителей в обществе. Одноклассницы из обеспеченных семей и причастные к загранице обсуждали модные вещи, косметику, прически и занудных репетиторов. На экскурсии надевали лучшие шмотки, таскали плееры и делились последними записями англоязычных музыкантов. Те, что «из неблагополучных», злословили о более удачливых сверстницах, учились курить и ругаться матом, брали эпатажем. Среди мальчиков происходило практически то же самое.

Самые умные или скромные ученики просто старались хорошо учиться. Катя была из их числа. Во-первых, думала она, может, мама хоть когда-нибудь порадует. Во-вторых, понимала, что ее козырь только хорошая учеба. О том, что к окончанию восьмого класса она стала настоящей красоткой, мыслей не было. Валентина развила в дочери невысокое мнение о себе. Красивые вещи и косметику не покупала, хоть и были возможности, в их магазин частенько завозили что-нибудь симпатичное. Но ее концепция была такова: «Нечего малеваться, как проститутка, и на парней смотреть. Учись лучше». Или: «Мало мне тебя кормить, здоровую бабу, еще и джинсы подавай. На тебя не напасешься». Однако, несмотря на застиранную форму с уже короткими рукавами и сапоги «прощай молодость», мальчики стали вдруг ее замечать. Некоторые пытались ухаживать, приглашали то в кино, то на день рождения. Но Кате никто не нравился. Она налегала на учебу. Пока не прошло лето и в девятый класс не пришел новенький – красавчик, отличник и модник, в которого влюбилась сразу половина девчонок класса. Катя на него, честно говоря, и не претендовала. Соперничать с одноклассницами, которые одна другой были краше и круче, она не собиралась. Просто тихонечко думала о нем и мечтала ему хоть немножко нравиться.

Однажды утром она умывалась, собираясь в школу. И увидела на полочке у тети Нади бутылочку с духами. (Мама духи никогда не покупала, считая их пустой тратой денег, и говорила, что молодой девчонке пользоваться парфюмом непристойно.) Катя осторожно взяла пузырек, сняла крышечку и вдохнула чудесный сладковатый аромат. Ей так захотелось хоть капельку брызнуть на себя. Наверняка этот чудесный новенький обратит на нее хоть какое-то внимание. Невозможно же пройти мимо девушки, когда от нее так приятно пахнет. Она не раз тихонько нюхала в раздевалке куртки одноклассниц, от которых исходили похожие волшебные ароматы. И ей тоже очень, очень хотелось какой-нибудь парфюм. Только бы быстрее закончить школу, поступить в институт и сразу пойти работать. Тогда можно будет купить себе и духи, и джинсы... Она не удержалась и брызнула на себя совсем немножко. В этот

момент раздался стук в дверь. «Катюш, скоро ты там?» Уже несколько недель отношения с мамой были вполне нормальные. Та понемногу выпивала, но вела себя тихо, и дочка старалась их не обострять, хотя угадать было сложно, что и когда обострит.

– Сейчас, мамуль, пять сек.

– Пусти меня зубы почистить.

– Сейчас, мам. – Почему-то Катя заволновалась. Радость от приятного запаха улетучилась. Как бы проскочить незаметно, вдруг мать заругает?

– Да что там у тебя за секреты? Открывай давай быстро. Я на работу опаздываю.

Похоже, уходить она не собиралась. Катя выдавила на щетку зубную пасту и стала чистить зубы, надеясь, что ее запах перебьет аромат духов. И открыла дверь. Мать зашла, посмотрела на нее удивленно.

– Чем это пахнет? – Бросила взгляд на полочку. Увидела тети Надин парфюм. Снова посмотрела на Катю. – Ну-ка, ну-ка... – Притянула ее к себе. – Ах ты воровка! – Тяжелая оплеуха обожгла щеку. Цепкие пальцы схватили за волосы. – Иди-ка сюда, пусть все знают, какая ты воровка.

– Мама, мамочка, ну не надо. – Катя пыталась отцепить ее от своих волос.

– Не надо!!! А воровать надо! Позор-то какой! Надь, Коль, идите-ка сюда. – Соседи прибежали на кухню. – Полюбуйтесь, твои духи украла! Бесстыжая. – И Валентина вновь дала Кате пощечину. Та стояла красная и смотрела в пол.

– Да ладно тебе, Валь. Ну подумаешь, брызнулась девчонка немножко. А ты не оставь где попало! – Вступился за Катю дядя Коля.

– Говоришь «да ладно тебе»? Сначала духи у соседки, потом деньги у матери и покатилась по наклонной. Воспитываешь, воспитываешь, думаешь, человеком вырастет, а она такие номера выкидывает.

– Валь, ну правда, подумаешь, капля духов какая-то, – повторила за мужем Надя.

– Леночка-то небось никогда чужого не возьмет.

Мать продолжала голосить на всю квартиру, что у нее растет воровка. Смущенные соседи ушли, Надя забрала парфюм из ванной.

Когда мать наконец отстала и Катя уже надевала в коридоре ботинки, та крикнула ей из комнаты: «Денег на карманные расходы не получишь весь месяц. Бери где хочешь!»

Катя шла и плакала. У них две экскурсии и день рождения у подружки, надо покупать подарок. Без булочек и чая в столовой можно прожить. Но обиднее всего было не из-за денег, а из-за того, что мама так кричала и обзывала ее воровкой, и позвала всех соседей. Она шла и пыталась стереть ладонью и шарфом запах: дурацкие! Дурацкие духи!

У школы стоял Илья и курил. Это был неприятный парень, сноб и троечник, он все время кичился своим отцом – известным фотографом-международником – и новым шмотьем. На Катю он положил глаз давно.

– Катюш, чего такая невеселая?

– С мамой поругалась.

– Да ты че, забей. Я со своими предками постоянно срусь. Слушай, а может, ну ее, эту школу? Пойдем сходим куда? А потом ко мне, мои на целую неделю свалили.

Катя посмотрела на его белобрысую челку, круглые глупые глаза и вручила ему свою сумку.

– А пойдем!

Тот не поверил и только сказал восхищенно:

– А ты, оказывается, крутая, Катюха.

Первый секс, о котором таинственно шептались уже почти все девочки на переменах, оказался довольно болезненной и неприятной процедурой.

Две встречи

Москва. 1945 год

Отец вернулся с фронта незадолго до окончания войны. Зоя случайно увидела его ранним утром из окна госпиталя. Он пришел в шинели, в разбитых кирзовых сапогах, с недельной щетиной на лице и с раздробленной рукой на перевязи, ничем не напоминая того холерного доктора, каким был несколько лет назад. И он уже не мог оперировать.

– Папка! Папка вернулся! – кинулась Зоя со всех ног к нему на улицу, бросив на пол свою корзинку. Подлетела, вцепилась и уткнулась лицом в грязную шинель.

Свободной рукой Владимир Михайлович неловко потрепал дочку за волосы. Комок подступил к горлу, и слезы навернулись на глаза, которые столько всего видели и не плакали, а тут...

– Ребенок! Я сначала зашел домой, а мне соседка говорит – вы тут... Ты чего здесь делаешь? Выросла-то как!

Она повернула к нему свою успевшую перепачкаться в налипшей на шинель пыли мордочку:

– Папка, не плачь! Ты же вернулся! – И сама заревела в три ручья. Они еще неизвестно сколько так стояли, обнявшись, и не могли расцепиться и двинуться с места. Им было хорошо на дорожке больничного двора, среди деревьев с набухшими почками, газонов с едва пробившейся травкой, под весенним голубым, уже почти мирным небом.

Через несколько минут к ним уже бежала Полина, за ней все кто мог, а кто не мог, прильнули к окнам. Кто не вставал, тому рассказывали те, кто видел. Ничего не было важнее – человек пришел с фронта, люди стали возвращаться, да и поговаривают, что войне скоро конец. И жизнь постепенно наладится, и у каждого есть надежда, и все будет хорошо.

И вот они идут втроем. На здоровой руке виснет Зоя. Над раненой причитает Полина.

– Пап, а как же ты будешь мне кукол делать, если у тебя рука болит? – Этот вопрос сильно волновал Зою.

– Кукол ей подавай! Вот как отец себя чувствует да как теперь оперировать будет, спросила бы, а то только вернулся, ей уже игры подавай, – делано сердилась Полина.

– Оперировать я, Полинушка, уж действительно не смогу. Буду опыт студентам молодым передавать, смену себе растить. А вот кукол мы еще с тобой, ребенок, наделаем. Буду левой, больной, значит, держать, а правой рисовать или шить чего. Ты мне станешь помогать. А потом и сама начнешь таких кукол мастерить, что диву дашься. А что, Полина, вы совсем дома не бываете?

– Нет, Владимир Михайлович, работы полно. За день намаешься, куда уж идти, а частенько и ночью приходилось. Зоиньку здесь все уже знают. Она со своими артистами тут такие концерты солдатам дает. И занимается прям здесь, в школу водить было некому, а потом и так привыкли. Солдаты учат и читать, и писать. Вот и не ходили мы домой-то. Чего туда ходить без вас. – И она снова зашмыгала носом.

– Ну ладно, ладно тебе, Полина. Сегодня прямо домой и отправимся все вместе. Совсем скоро, говорят, войне конец. Заживем лучше прежнего.

– Даст Бог, даст Бог...

* * *

Много времени никто не заходил в эту квартиру. В ней теперь витал дух запустения, состоящий из запаха пыли, тишины и полумрака. Скрипнула входная дверь, хозяева зашли

в просторный холл. Сквозь щель в задернутых занавесках проглядывал последний розовый луч уходящего солнца. Раскрыли все шторы – широкие подоконники были пусты – многочисленные горшки с цветами заботливая Полина давно отнесла в больницу.

– Ну что, ребенок! Готов начать уборку?!

– Всегда готов! – сказала Зоя и по-пионерски отдала честь.

Они вооружились тряпками и щетками, стали мыть, драить и чистить, отдираять с окон бумажные кресты. И когда все заблестело, девочка побежала во двор и наломала веток с зазеленевшими почками, поставила в вазу.

– Ну вот, котенок! Теперь будем жить здесь! – довольно сказал Владимир Михайлович, удовлетворенно оглядев квартиру. – А сейчас пойдем посмотрим, какие дела в моей мастерской. В нее-то мы не заглянули.

Зою не нужно было приглашать несколько раз. Памятуя, что раньше папа не очень приветствовал ее посещения этой комнаты, она терпеливо ждала, что он обязательно позовет ее туда, и не приставала с просьбами.

– Будто и не было этих лет войны. Будто и не уходил никуда. – сказал отец, оглядев комнату. Провел рукой по столу. Яркая полоска полированного дерева проступила из-под пыли. На блюде лежала кисточка с засохшими от клея волосками. Краски напоминали потрескавшуюся от засухи землю. – А что, если, ребенок, я тебя буду учить делать все самой? У меня вон рука больная, кукол хоть и можно, но сложновато будет мастерить.

Зоя запрыгала от радости и захлопала в ладоши.

– Ура! А когда, папочка, когда мы начнем учиться?

– А вот прямо сейчас. Попьем чаю, да и приступим.

После небольшого ужина Зоя с отцом устроились в кабинете и просидели там несколько часов кряду. Девочке очень не хотелось заканчивать свой первый урок, но глаза слипались после такого насыщенного дня и у нее, и у Владимира Михайловича. Пожелав друг другу спокойной ночи, они впервые за долгое время пошли в свои замерзшие отсыревшие кровати и заснули в то же мгновение, как голова коснулась подушки. Проваливаясь в сон, Зоя подумала: «Как там мои солдатики, я ведь даже не предупредила их, что не приду сегодня».

Каждое утро они с отцом собирались и шли в госпиталь, где он консультировал врачей на операциях, обходил палаты, оценивал состояние раненых. Полина, несмотря на то, что семья перебралась домой, по-прежнему ночевала в больнице, работы у нее было невпроворот и днем и ночью. А Зоя с удвоенным усердием занималась чистописанием и математикой. Ей не хотелось садиться за одну парту с малышами.

Уже несколько дней на дне ее корзинки лежало письмо для мамы о том, что папа вернулся и войне скоро конец. Но оно так и не ушло к адресату, потому что ночевала теперь Зоя дома, а днем появлялось много других дел.

* * *

9 мая закончилась война. Вечером, услышав страшный грохот, Зоя кинулась к окну. В небе взрывались сотни разноцветных фейерверков. Это тридцатью залпами из тысячи орудий ознаменовали победу. И хоть по радио объявили о капитуляции Германии раньше, но для девочки почему-то именно этот салют стал символом настоящего окончания войны. Она обернулась. У отца в глазах стояли слезы, а Полина, прибежавшая из больницы домой, как только услышала объявление, плакала в голос. Вдруг не сговариваясь все кинулись в коридор, накинуть что-нибудь и бежать на улицу.

Там было полно народу. Незнакомые люди радостно обнимались и плакали от счастья, с каждым залпом все кричали «ура». В воздух взлетали кепки, фуражки и солдатские

пилотки. Всеобщая эйфория передалась и Зое. Увидев стайку пионеров, несущих в руках сирень и раздающих веточки солдатам, она присоединилась к ним. Одна девочка поделилась с ней цветами, и Зоя пошла, увлекаемая толпой. В какой-то момент она обернулась и, никого не увидев рядом, принялась спрашивать прохожих: «Вы девочек не видели в галстуках? А папу моего? Высокий такой». Но почти никто не слышал ее, да и примет было явно недостаточно. Один изрядно выпивший солдат поднял ее на руки, чтобы она посмотрела вокруг, и, сильно покачнувшись, спросил:

– Ну что, видать папку?

– Вон, вижу, – соврала Зоя, испугавшись, что он ее сейчас уронит.

– Ну, беги, не теряйся больше.

Стало совсем темно, толпа поредела. Зоя оглянулась и поняла, что находится в совершенно незнакомом месте. Надо бы спросить, где моя улица? И тут загромыхало опять, и небо осветилось синим. Только на этот раз это был не салют, а самая настоящая гроза. Еще раз бабахнуло, полыхнуло, упало несколько крупных капель, потом еще и еще, и ливанул дождь, со страшной силой барабана об асфальт, о карнизы, о крыши. Девочка нырнула в первую попавшуюся подворотню. Здесь воняло мочой и сырыми окурками. Она присмотрелась, увидела во дворе беседку, быстро добежала до нее и заскочила внутрь, успев промокнуть насквозь. В доме постепенно гасли окна, и Зоя, уже совершенно продрогнув, обхватив себя обеими руками и дрожа всем телом, думала, что папа с Полиной сбились с ног, разыскивая ее. Но не могла же она оказаться так далеко от дома, чтобы ее не нашли. Нужно подождать совсем немножко. Вон какие-то люди показались в арке, может быть, это ее ищут. Нет, мужчина с женщиной направлялись к беседке, держа над головами плащ. Женщина поскользнулась и матерно выругалась. Зое стало не по себе. Пара завалилась в беседку, и стало ясно, что они пьяны. Женщина пошатываясь дошла до лавки и тяжело села на нее, а ее спутник привалился рядом, схватил ее за мокрую блузку и попытался расстегнуть пуговицу, за что получил локтем в бок:

– Ты чего, леший, совсем рехнулся тут, что ли? Фляжку не потерял?

Леший сплюнул:

– Стерва ты, Наташка, все мучишь меня.

– Хватит нудеть. Выпить дай.

Тот достал из кармана пиджака флягу, стал отвинчивать крышечку.

– Ну, Ленка, если палево подсунул, держись. – Открыл, протянул Наташке: – На, залейся.

Та хлебнула из горла:

– Да с тобой без ста граммов и поцеловаться противно, – сказала она и громко засмеялась.

– А что ж ты тогда со мной ходишь?

– Так больше не с кем, а тебя я давно знаю. Любишь ты меня, и деньжата у тебя водятся.

Ну ничего, сейчас мужики-то с фронта повозвращаются, я себе интеллигентного найду, с квартирой. Может, и доктора какого.

– Размечталась, доктора ей подавай. Кому ты нужна-то, бл...ща. Да еще с ребенком. Только я на тебе и женюсь, видать, приворожила ты меня. Не могу отсохнуть. И дочке отцом стану.

– Больно надо воровать, сам приклеился как банный лист. Нужен ты нам! А кто про меня что знать будет? Скажу – вдова. А с виду я хоть куда. До войны-то, когда вашего брата побольше было, в городе прохожу мне не давали. И сейчас так будет. Так что последние деньки тебе со мной погулять остается, и прости-прощай, – издевалась женщина.

Мужчина вскочил, схватил ее за шиворот, приподнял:

– Ну, стерва, убью. – Замахнулся перочинным ножиком.

– Давай, давай, попробуй.

Несколько секунд они смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью и вдруг, неожиданно для Зои, стали целоваться. Она решила, воспользовавшись моментом, тихо прокрасться мимо, но лавочка, когда Зоя привстала, скрипнула, и те двое замерли.

– Эй, кто здесь? – Охотница за интеллигентным женихом нагнулась, нашарила спички, зажгла одну. Обвела ею вокруг, и Зоя увидела бледное лицо, размазанную красную помаду и обильные разводы туши, потекшей от дождя. Пьяные глаза приняли удивленное выражение: – Эй, малявка, ты чего здесь делаешь? Ну-ка быстро спать, а то дяде отдам. У! – И она, заржав, топнула ногой в направлении Зои, как бы пугая ее. А «леший», видимо решив подхватить игру пьяной в хлам подруги, заложив руки в карманы, пошел на девочку, поводя плечами и напевая: «Сколько я зарезал, сколько перерезал...» Зоя завизжала и, пихнув мужика с непонятно откуда взявшейся силой, понеслась сквозь дождь куда глаза глядели. Последнее, что она слышала, был визг тормозов внезапно появившейся из-за угла машины.

* * *

Сон № 2

По ту сторону провала оказалась просторная комната. Очнувшись на кровати с железной спинкой, стоявшей в углу, Зоя опустила ноги на пол из простых деревянных досок, оглядела выбеленные стены и потолок. Ни картинки, ни крючочка, ни лампочки. Только зеркало в большой овальной раме напротив. Светлые льняные занавески на окне плотно прикрыты, но свет пробивается сквозь них и освещает комнату.

– Похоже, день. – Отогнула занавеску и невольно задернула обратно: кроме яркого света, ничего не было видно. – Высоко как.

Подошла к зеркалу. Потрогала аккуратную повязку из марли, приклеенную ко лбу широким пластырем. Больно не было.

– Почти ничего не помню. Кажется, меня сбила машина. Наверное, папа положил меня в больницу. Странная палата, никого нет, – так размышляла Зоя, разглядывая свое лицо в зеркале, когда почувствовала, что кто-то прикоснулся к плечу. Стало очень страшно, в зеркале никого не было видно. С трудом заставила себя обернуться – за спиной стояла женщина в одежде медсестры, с неприятным бледным лицом.

– Пойдем. – Она кивнула в сторону двери. И девочка послушно пошла за ней. По бокам бесконечного коридора на одинаковом расстоянии располагались двери. «Как в гостинице», – подумала Зоя. «Как на том свете», – сказала чудная женщина и резко остановилась у одной из дверей. Без стука раскрыла ее и, толкнув в комнату Зою, мгновенно исчезла. У стены стояло совершенно пустое бюро. Посреди комнаты – серого цвета кресло с гнутыми ножками и высокой спинкой. Ноги сами пошли к нему, что-то показалось Зое странным, несколько секунд она не могла понять, что именно, потом поняла. Платье! На расстоянии двух шагов она увидела кусочек платья, торчащий из-за сиденья. Это было белое платье в красных цветах. Потом руку на подлокотнике. Настоящую руку мертвеца. Зоя замерла.

– Здравствуй, дочка! Я так рада, что ты меня навестила. А то я здесь все одна да одна. – Тут обладательница голоса поднялась с кресла. Безжизненный скелет, обтянутый кожей череп, ни единого волоска. Кости, сухая кожа. Только платье в красных цветах висит на пергаментных плечах. Истлевшее, кажется, готовое разлететься от легкого дуновения. Зоя очень боялась увидеть лицо, мумия не повернулась, прошаркала спадающими туфлями к столику. Серые фаланги уцепились за ручку, ящик открылся, внутри оказалась шкатулка. Высохшая рука пошарила в ней.

– А я получила все твои письма. – И, обернувшись, показала аккуратно перевязанные ленточкой конверты. Девочка в ужасе отшатнулась. На нее смотрели пустые глазницы. – Иди ко мне, доченька моя, обними маму.

– Мамочка, почему ты в таком странном месте? Ты же была такая добрая, хорошая. Папа сказал, что ты в раю. – Зоя была страшно напугана, но ей хотелось получить ответы на свои вопросы.

– Все в твоей голове. И это не рай, и не ад. Это смерть. Большой барак. Бесконечность с миллиардами комнат. Мы все живем в них – грешники и святые, а наши души передают тем, кто приходит на землю. Может, ты встретишь когда-нибудь похожую на меня. Но здесь неплохо. Даже есть клуб и кафе. Но я туда не хожу. Я читаю твои письма и думаю о том, что тебя ждет.

– Ты знаешь, что меня ждет? А что, мамочка? Что меня ждет?

– Я могу сказать тебе только то, что уже говорила. Надо вырвать это сердце и избавиться от него, прежде чем случилась беда. Все еще можно предотвратить. Это была она. А теперь обними меня, деточка, обними. Где ты? Что-то мама стала плохо видеть. – Водя черепом с пустыми глазницами, шаря руками по воздуху, покойница двинулась на Зою. Зоя на цыпочках, онемев от страха, пыталась пятиться к двери, не в силах оторваться от матери. – Кто играет с мамой в жмурки?! – Скелет издавал противные хихикающие звуки и сюсюкающим голосом звал ребенка.

Зоя наконец-то уткнулась в стену, добралась до двери, нащарила ручку и пустилась бежать по длинной серой кишке коридора. От быстрого и длительного бега силы стали покидать ее, и она замедлила шаг, обернулась. В метре от нее шла, протягивая руки, мать: «Кто играет с мамой в жмурки? Где моя девочка?» Зоя закричала изо всех сил и, толкнув первую попавшуюся дверь, оказалась в другой комнате, потом в третьей, все они были похожи одна на другую. И снова она услышала за своей спиной: «А вот и девочка моя вернулась. – Мать не медлила. Проворно вскочив с кресла, она направилась прямо к Зое. – Теперь-то я тебя не упущу. Ко мне пришел помощник и все видит». – В глазнице сучил громадными лапами мерзкий паук. Из-под мохнатых крючков с невероятной быстротой выходила липкая паутина и обволакивала пространство. Зоя повернулась, хотела бежать, но не смогла. Ноги будто приросли к полу. Она почувствовала прикосновение черных жестких волосков. Паутина обвиняла ее ноги, руки, залепила глаза и лезла в рот. Девочка собрала последние силы и, как ей показалось, истошно заорала: «Папа!» Яркий свет ламп больно ударил в глаза, и родной голос где-то в отдалении произнес: «Доченька, ну слава богу, жива». И страшное видение растворилось, не оставив о себе даже частички воспоминаний.

Комната страха

Открыт старый буфет. В нем самые драгоценные книги. И самые драгоценные благовонные масла и травы, которые собирали годами. А ведь тогда еще ничего не предвещало, что счастье улыбнется. Значит, был смысл в этом методичном коллекционировании. Кто сильно хочет... Несколько флакончиков-сокровищ досталось от, можно считать, самого главного человека в жизни. Вот один – его историю невозможно забыть, – именно здесь осталось несколько капель яда, которые по ошибке, по недоразумению принесли смерть. И себя винить не за что, а только эту потаскуху. Ну, ничего, я сделаю из нее человека!! Шутка показалась удачной, стало смешно. Потом пришла мысль: «Можно будет и мне выпить его, если что...»

А как надоело в течение нескольких месяцев носить по две-три штуки кирпичи, чтобы, не вызывая подозрений, заложить окно в «девичьей», готовить раствор. Со стороны улицы стоял большой кусок картона, чтобы не было видно продвигающейся работы. И потом место листа картона заняли маленькие квадратные занавесочки – неприметные, голубые в мелкий белый цветочек. Тут уж совсем непонятно. На верхнем этаже никто всматриваться не будет.

Ритуал бальзамирования изучен досконально. В богатой библиотеке имелись книги не только старинные с магическими ритуалами, но и серьезные медицинские труды, в том числе патологоанатомов и биологов. Невозможно создать ничего стоящего, не изучив человека. Формальдегид, ацетат калия, глицерин... Не должно возникнуть проблем, чтобы все это достать. Нужно только найти по справочнику адрес ближайшего морга.

* * *

Москва, 199... год

Сначала встречи с Ильей не приносили Кате никакой радости, просто хотелось пойти наперекор матери, которая, конечно, была вне себя, узнав о том, что Катя встречается с мальчиком. Но дочь молча и стойко выдерживала безумную пургу ее гнева. Она потихоньку обучалась не принимать близко к сердцу оскорбления. Выслушав очередной наезд матери, забирала тетрадки и учебники и уходила из дома. У Ильи можно было запросто переночевать. Она только звонила маме предупредить, что не придет. Та кидала трубку.

Как ни странно, парень относился к ней очень хорошо и вообще оказался не таким ужасным и тупым, как она думала прежде. Можно даже сказать, что он в нее влюбился. После нескольких встреч, когда Катя узнала его получше, ей стало с ним хорошо, хотя и скучно. Сердце не трепетало, не так она представляла себе отношения с первым мужчиной. Он часто повторял, какая она красивая и умная, и ей было приятно. Вся его надменность и плохая учеба тоже были вызовом родителям, которые вообще им не интересовались. Катю стали звать на разные «закрытые» вечеринки, куда девочкам «ее круга» вход был закрыт. И все вроде общались с ней дружелюбно и тоже оказались довольно симпатичными девчонками и ребятами. Однажды компания собралась у Ильи, сидели на кухне, многие выпивали. Ира принесла новые джинсы. «Ребят, отец привез, а они мне малы. Никому не надо? Вообще недорого». И назвала сумму. Илья посмотрел на Катю: «Кать, может, тебе?» Конечно, ей хотелось заполучить эти чудесные джинсы. Она очень плохо одевалась, особенно по сравнению с одноклассницами. Но ничего ответить, кроме как: «Что ты, у меня таких денег нет», – она не смогла. Илья попытался сказать что-то вроде: «Может, я тебе их подарю». Но Ира перебила его: «Ну пусть тебе родители купят. Чего они не могут дочке своей джинсы одни-

единственные купить?» – «Я только с мамой живу, а она мало зарабатывает». – «Ну и что?! Мои тоже живут отдельно. Однако папуля всегда покупает мне то, что я прошу». – «У меня вообще папы не было с детства». – «Ой, Кать, прости. А что с ним случилось?» – «На стройке погиб, я еще не родилась». – «Ой, Катя!!! – Ира засмеялась. – Я не могу! Святая простота! Это тебе мать, что ли, налила в уши?» – «Да, а что? Почему налила?» – «Какая стройка?! Ты будто в детском саду, в такие сказки верить?» Катины глаза наполнились слезами, она не выдержала, вскочила и убежала. Илья злобно зыркнул на Иру. «А чего ты так на меня смотришь? Что я такого сказала? Подумаешь, святая простота».

Он собрался за Катей, но другая девочка, Лена, остановила его.

– Не надо. Я знаю, что ей сказать. Пойду, успокою.

– Катюш, ну ты чего? Не расстраивайся. – Лена взяла салфетку и принялась вытирать Катин красный нос. – Ну-ка, давай посморкаемся. Вот молодец. Ты что, Ирку не знаешь? Она только рисуется, а сама из-за родителей знаешь как переживает. Вот и старается на других оторваться.

Она обняла девушку, гладила по голове и укачивала, как ребенка. Та рыдала еще сильнее. Никто никогда вот так ее не успокаивал. Казалось, все слезы, которые ей приходилось сдерживать в этой жизни, прорвались и хлынули бесконечной Ниагарой.

«Кать, ну подумаешь, отца нет. Да если хочешь знать, у нас у половины родители или срутся в клочья, или вместе не живут. У меня вон вообще отчим. Правда, мой не погиб на стройке, – Лена хмыкнула, – банально маму бросил, когда я совсем маленькая была». Катя подняла на нее зареванное лицо и улыбнулась: «Правда?» – «Ну конечно. А ты, если хочешь знать, вообще в этой компании самая лучшая. Красивая, умная, добрая, не завидуешь никому и носа не воротишь. Давай с тобой дружить. Мне очень хочется иметь такую подругу, как ты».

Катя ужасно обрадовалась. Ей тоже нравилась Лена.

На следующий день, когда после уроков она пришла домой, мать оказалась не на работе. Уже сидела даяя.

– Явилась! Проститутка!

– Мам! Скажи правду, кто мой отец?

– Хочешь знать, кто твой отец?! Так я тебе отвечу! Я его видела один раз в жизни, по пьянке залетела, аборт делать врачи запретили. Так что давай, доченька! Шляйся по мужикам! Глядишь, и повторишь мою судьбу.

Катя развернулась и, не дослушав маминых теорий по поводу своей жизни, пошла на кухню найти что-нибудь на обед.

«Ну и пусть так», – думала она. Хотя услышать такое оказалось тяжело.

Через год Катя закончила школу, поступила в педагогический, Лену пристроили в иняз, но они продолжали оставаться лучшими подругами. Через своего отчима Лена помогла найти Кате работу секретаря, и девушка смогла снять себе маленькую квартирку. На окраине Москвы, но все лучше, чем с матерью-алкоголичкой. Илья уехал учиться за границу, и постепенно их отношения сошли на нет.

Новая подруга

Москва. 1945 год

Зоя провела в больнице весь май. Машина, сбившая ее в ту злополучную ночь, ехала не быстро. Но девочка так неудачно упала, что ударилась головой о бордюр тротуара и сильно разбила затылок. Водитель сразу привез ее в госпиталь, который, на счастье, располагался неподалеку. Обошлось без операции, но сотрясение мозга было сильным и, как потом оказалось, повредилось зрение.

Домой Зоя вернулась в круглых больших очках с толстенькими стеклами, не придававшими прелести ее и без того достаточно обычному личику. Но она не унывала, а взялась за тетрадки и книжки, наверстывать упущенное. Целыми днями что-то учила, выводила, старательно высунув язык. Если Владимир Михайлович не поздно приходил с работы, то они вместе закрепляли ее успехи. Но пределом Зоиных мечтаний была, как всегда, заветная отцовская комната. Если папе выдавался выходной, утром после завтрака он говорил: «Ну что, Зоинька, пойдем порукодельничаем!» Они запирались надолго, Полина не могла их дозваться на обед, и отец учил девочку секретам мастерства, иногда сетуя, что нет Клауса. Да и было бы удивительно, если бы он появился, – в разрушенной стране после войны с немцами. Зоя по сто раз сшивала-расшивала маленькие одежки и ботиночки, лепила-перепливали головы, уши, носы, глаза. Училась вытачивать миниатюрные пальчики, рисовать тонюсенькой миллиметровой кисточкой.

– В каждой кукле живет душа, – рассказывал Владимир Михайлович. – Ты не смотри, что тело из гипса наклеплено на проволочный каркас, глаза нарисованные, а волосы не настоящие. Делая куклу, ты вкладываешь в нее часть своей души, свое ощущение мира. Много в ее характере зависит от того, кем она будет. А там, глядишь, и глаза по-человечески смотрят, и волосы живые становятся, и маленькое сердечко бьется. Сейчас встанет и пойдет. Вот, к примеру, Снежная королева, жестокая, холодная. Герда горячая, добрая. А Кай – ни рыба ни мясо. Да что тебе говорить, ты ведь и сама знаешь.

– Да, папулечка. Конечно, они живые. Только скрывают это. Как наступает ночь и все люди ложатся спать, у них начинается своя жизнь. А бывает кукла-мечта?

– Бывает. Мне кажется, дочка, это когда тебе что-то очень нравится, то есть ты представляешь себе некий идеал человека или растения, что-то еще и воплощаешь его в своем творчестве. А потом любишься на него – перед тобой твоя мечта.

– Твоя кукла-мечта – это Надя, потому что она на маму похожа?

– Ну можно и так сказать.

* * *

Лето близилось к концу. Через неделю Зоя должна была идти в школу. «Частные» занятия не прошли даром, и, учитывая обстоятельства и заслуги отца, ее приняли сразу в пятый класс. Однажды утром раздался телефонный звонок. Полина, поднявшая трубку, позвала Владимира Михайловича. Он долго говорил, а потом вернулся с торжественным выражением лица. Старый друг пригласил его на хорошую должность. При кремлевской больнице консультировать молодые кадры и присутствовать на операциях. И еще представлять нашу страну на международных конференциях.

– Ох, батюшки-святые! – засуетилась Полина. – Так и должно было случиться. С вашим-то опытом, с вашим-то талантом, Владимир Михайлович. Садитесь, садитесь. Расскажите.

– А что рассказывать. Предложил вечером подъехать. Обсудить. Если все их устроит, то с понедельника могу приступить. Паек продовольственный и зарплату хорошую обещали. И карточки специальные.

– А что ж может не устроить?

– Папа, а как же госпиталь, солдатики?

– И правда, Владимир Михалыч?

– В госпитале я обещал договориться. У солдатиков, дочка, много хороших врачей останется. А правительство наше тоже лечить кому-то нужно.

– Ты что, папа, правительство будешь лечить? Ой, – тут же захихикала она, – а оно разве болеет?

– Конечно, ребенок, они же живые люди.

– И товарищ Сталин?

– И товарищ Сталин. Только ты об этом не говори никому и про мою новую должность тоже. Хорошо?

Зоя от удивления даже ахнула и прикрыла рот ладошкой, пообещав молчать. Она была страшно горда, что ей доверили такую тайну.

– Ну кто бы мог подумать? Сам товарищ Сталин может лежать в кровати под одеялом, кашлять и пить молоко с медом, – рассказывала она своим куклам после завтрака. И, приложив пальчик к губам, добавляла: – Только вы тс-с-с, никому. – Хотя и так знала, что уж они единственные, кто точно «никогда и никому», им можно доверить любые секреты.

* * *

После лета, как водится, наступила осень. За осенью незаметно пришла зима. Владимир Михайлович осваивался на новой должности. Зоя осваивалась в школе. Ей нравилось ходить туда и учиться. Ей давно ничего не снилось. Она уже не играла в кукол, а только рассказывала им перед сном о прошедшем дне. Она познакомилась с одноклассниками, и у нее появились подружки.

Варя – шумная, смешливая и решительная девчонка – была соседкой по парте, ей не очень давалась учеба. Из-за неумного характера она совершенно не могла сосредоточиться. Зато вдумчивая и старательная Зоя училась почти на одни пятерки. Ей нравился веселый нрав приятельницы, и она с удовольствием помогала Варе: оставалась после уроков, чтобы что-то объяснить, или просто давала списывать.

Лена – тихая, покладистая, без особых способностей девочка – жила в соседнем с Зоей доме, и они вместе возвращались из школы, болтая о разных пустяках.

Но больше всех Зое нравилась Катя, что сидела в соседнем ряду на последней парте. Она казалась ей самым совершенством. У нее были длинные белокурые волосы, переплетенные большими белыми лентами, глаза цвета синего неба, пушистые ресницы, гладкая белая кожа. Катя училась хорошо. Почти всегда ходила одна, перемены проводила в классе за книжкой. И сидела тоже одна – опоздала на первое занятие, все девочки уже уселись парами.

Катя была худенькая, прямая и серьезная. Иногда она общалась с Варей. Неугомонной Варе удавалось ее развеселить, но чем, Зоя не знала, потому что смеялись девочки вдвоем, над чем-то только им доступным, никого не приглашая в свою компанию. Зоя наблюдала за ними, стоя в сторонке. Хохочущая Катя напоминала ей солнечного зайчика – редкого, светлого, легко скользящего. Иногда, слушая Варю, Катя просто улыбалась, внимательно глядя на подругу, а в глазах, в зависимости от темы повествования, или скакали лукавые чертики, или плавали голубые облачка.

Варя не говорила Зое об их с Катей отношениях, немного важничая, что имеет такую подругу – недоступную и загадочную для всего класса. Девочки считали Катю заносчивой,

а ей, похоже, было все равно. За это Зоя тоже ею восхищалась. Так вот, Варя ничем не делилась, а Зоя спросить стеснялась, хоть и сгорала от любопытства.

«Вот она – кукла-мечта!» – подумала как-то Зоя. Ей очень хотелось подружиться с Катей. В один из редких вечеров общения с отцом, который теперь целыми днями, а иногда и ночами пропадал на работе, она рассказала о Кате, о том, что очень хочет с ней подружиться, и спросила совета.

Владимир Михайлович внимательно ее выслушал:

– Знаешь, Зоюшка, чтобы дружить, у людей должны быть общие интересы. А какие они могут быть у вас?

– Ну не знаю. Учеба. Но она и так хорошо учится, это Вале надо помогать.

– А куклы? Возьми с собой куклу, ну, скажем, Надю. Все девочки любят кукол, а уж таких, как у тебя, нет ни у кого. Вот тебе, ребенок, и общий интерес.

С этого все и началось.

* * *

Несколько дней Зоя носила Надю в портфеле (а вдруг ничего не получится, боялась она), но однажды на большой перемене все-таки собралась с духом и достала куклу, показала Вале. Та только рот открыла. Подруга рассматривала Надю со всех сторон, удивлялась платьицу, лицу, волосам и туфелькам. Восхищенно смотрела на Зою, узнав, что ее папа мастерит кукол, а она ему помогает. «Погоди, я на секунду». Зоя видела, как она подошла к Кате, что-то ей шептала, и они смотрели на обладательницу необыкновенной игрушки, а потом случилось небывалое. Они вместе к ней подошли, и Катя, улыбаясь и запустив ласковые облачка в глаза, сказала:

– Здравствуй. Красивая у тебя кукла. А можно посмотреть?

– Конечно, можно. – Зоя с готовностью протянула Надю и очень волновалась – вдруг не понравится?

– Как ее зовут?

– Надя. У нее тут немножко платье порвалось, но это потому что старое.

– Так поменяй.

– Я не могу. Эту куклу папа сделал, когда мама умерла. Ее в таком же платье похоронили. И вообще – она похожа на мою маму и зовут ее так же.

Девочки слушали, притихнув. Катя аккуратно поставила Надю на парту. Зоя подумала, что, наверное, сболтнула лишнего. Кому захочется играть в куклу, олицетворяющую покойницу.

– А потом папа сделал Кая с Гердой и Снежную королеву, – принялась тараторить Зоя. Девочки немного повеселели.

– И что, у тебя дома они все есть?

– Да.

– Зой, а можно посмотреть? А то мы и в гостях у тебя ни разу не были. И ты к нам не ходила. Девочки, а давайте ходить друг к другу в гости. Зоя, к тебе первой. Можно? – напросилась Варя.

– Конечно, девочки, можно.

– Что, прямо после уроков и пойдем?!

– Я не предупредила маму, я не пойду, – сказала Катя.

– Катенька, ну, пожалуйста. Мы ненадолго. Только посмотрим, и все, – уговаривала Варя подругу.

– Ну хорошо, на пять минут. Мне надо заниматься.

– Ура! Ура! Зой, а чего ты раньше не говорила, какие у тебя игрушки?

– Девочки, девочки! Звонок уже был. Давайте по местам, – неожиданно услышали они голос учительницы и стали рассаживаться.

Первая любовь Кати

Москва. 200... год

Катина подруга Лена влюбилась. По ее же собственному выражению «окончательно и бесповоротно». Сначала, когда та в один прекрасный день влетела к ней в квартиру и с порога заявила об этом, Катя только скептически ухмыльнулась.

Елена выросла крайне любвеобильной особой. Ее сердце подвергалось нагрузке с периодичностью раз в два месяца. Сначала все было «окончательно и бесповоротно», но однажды она появлялась, со скучающим видом садилась в кресло, невероятным образом сплетая свои длиннющие ноги, и обреченно заявляла:

– Мы расстались. Он оказался слишком... (далее следовал какой-нибудь нелицеприятный эпитет).

Катя обычно говорила:

– Ну как же?! Он ведь был... (следовал очень лицеприятный эпитет).

Лена вздыхала и произносила знакомую фразу:

– Бес попутал. Я готова влюбиться в морскую свинку.

Но в этот раз прошел положенный срок, а Лена так и не сменила предмет своего пристрастия. Вероятно, причиной ее удивительного постоянства стало то, что сам предмет, казалось, вовсе и не интересовался влюбленной. Он общался с ней, они даже куда-то ходили пару раз, но ни на какую любовь с его стороны не было и намека. Сбитая с толку и погрузневшая Лена донимала подругу одними и теми же разговорами, состоящими из вопросов «почему?» и различных домыслов о причинах его равнодушия, а также выискиванием новых прекрасных черт ее принца. В минуты особого отчаяния, когда объект за весь день не проявил ни одного знака внимания, безутешная приятельница, с горя накатив пару бокальчиков мартини, после горестных причитаний философски заявляла, что это ей «наказание за прошлые грехи» и «нечего было над мужиками издеваться». Катя не понимала, почему такие катаклизмы происходят в душе ее подруги. Ей хотелось любви, семьи и чтобы один раз и навсегда.

На этот раз властителем Лениных дум стал молодой человек по имени Сергей, который никому не известным способом сумел перевестись с третьего курса сочинского педагогического института ни много ни мало на третий курс иняза. Он снимал комнату, ездил на старенькой иномарке, кажется, где-то работал, учился вполне прилично, к тому же, по словам Лены, обладал всеми мыслимыми и немыслимыми мужскими достоинствами. Катя пока ни разу его не видела, но по описаниям поняла, что это был некий симбиоз грез девушек их возраста, состоящий из Тома Круза и Джонни Деппа. «Немудрено было не влюбиться в такого красавчика, да еще с ангельским характером и всеми чертами, присущими «настоящему мужчине», – посмеиваясь про себя, думала она, но подругу своей иронией обижать не хотела. Идеальный так идеальный, кто ж спорит. Единственное, что удивляло: как этот провинциал до сих пор не пал к Лениным ногам. Таких везунчиков, как она, было мало. Красавица, умница, «комсомолка, спортсменка...» и т.д. К незаурядным внешним данным Лены прилагался вполне сносный характер. Плюс к этому родители девушки не вылезали из-за границы, и она жила одна, не считая их редких наездов, после которых количество модных вещей в ее гардеробе значительно увеличивалось.

Празднование дня рождения Лены приближалось. Подготовку к знаменательной дате она начала уже за неделю. А когда все было готово, накануне торжества, Катя вдруг неожиданно заболела. В середине рабочего дня почувствовала сильный озноб, померила температуру – 38. Хотела пересидеть – вечером в институте была важная лекция, но потом поняла,

что сил нет, и отпросилась домой, где и забралась сразу же под кучу одеял, не найдя в аптечке подходящего лекарства.

Через пять минут раздался звонок:

– Ты что, с дуба рухнула, какие болезни? Я звоню на работу, а мне там отвечают, что у тебя температура и ты уехала домой. Завтра же день икс! Имей совесть.

– Я боюсь, что мне не удастся прийти, я совсем никакая. К тому же нет лекарств.

– Жди, ща приеду. Пройдем интенсивную терапию, завтра будешь огурцом.

Если бы Катя знала, чем это все закончится, ни за что бы не согласилась на предложение подружки. А ведь судьба в виде непонятно откуда взявшейся простуды посылала ей возможность направить свою жизнь по другому пути. Может, и не увидела бы она никогда этого Сергея. А если и увидела, то в другой раз отнеслась бы к нему иначе. Но ворвалась Лена с коньяком, медом, малиной, молоком и аспирином. Побежала на кухню, скипятила молока, подогрела коньяка, все это намешала с медом и давала ей пить через раз с чаем и малиной, предлагая закусывать все это дело аспирином и приговаривая, что организм надо брать ударной дозой. К вечеру она уехала, запаковав исходящую потом в полусознательном состоянии подопечную в два одеяла, под которыми та благополучно заснула, а с рассветом проснулась мокрая, бледная и слабая, но вроде без жара. Приняла душ, попила чаю и поняла, что «пациент скорее жив, чем мертв». Ну, Ленка! Надо позвонить поздравить.

В шесть часов Катя, как приличная, без опозданий, сидела за скатертью-самобранкой в Лениной квартире. Осмотревшись, она в очередной раз поняла, что ее джинсики и беленькая приталенная рубашечка (хоть за нее и пришлось выложить немалые для Кати деньги) не идут ни в какое сравнение с шикарными нарядами пафосных Лениных подружек. Зато не без гордости подумала, что внешне не уступает никому, и еще даже лучше многих. Катя действительно была хороша. Многие знакомые девицы звали ее за глаза куклой Барби, но это скорее от зависти, потому что Барби Барбой, но таких прекрасных льняных локонов и больших голубых глаз с длиннющими ресницами не было ни у кого. Да и отличную фигуру не портил здоровый аппетит, который отмечали люди противоположного пола с особой симпатией, так как почти все присутствующие дамы не могли себе позволить наворачивать разные вкусности и самозабвенно уплетать пирожные без риска потолстеть, а потому ломались и жеманничали сверх меры, что было очень противно.

В начале восьмого угощения стали потихоньку заветриваться, девицы елозить, а молодые люди требовать еды, те, кто был не из института, хотели быстрее увидеть, ради кого устроен такой ажиотаж (среди них, кстати, была и пара бывших), и Лена собиралась уже дать отмашку на веселье, сказав, что семеро одного не ждут, с горя накатив мартини, порасуждать о «наказании за прошлые грехи», как вдруг раздался долгожданный звонок.

Сергей оказался совершенно без комплексов. Спешно вручив имениннице цветы и небольшую коробочку в яркой бумаге, он оглядел стол, потер руки, весело сказал:

– Ну, дайте чего-нибудь выпить, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Несколько девушек надменно переглянулись, ухмыльнулись мужчины, и только Катя засмеялась, потому что шутка хоть и была старой, но всегда ей нравилась, а если учесть реакцию окружающих, которая после нее последовала, то прямо цирк получился. Все ждали манерного эстета, а пришел такой незатейливый, в общем, поняла Катя, его явно не оценили. Хотя внешне парень был очень даже ничего. Ей всегда нравился такой типаж. Он правда был похож на красавчика Джонни, только тот в кино, а этот настоящий, рядом. Окинул быстрым взглядом компанию, зацепился на парочке девиц с ярко выраженным декольте и обратился к Кате:

– А можно я к вам подсяду?

Катя от неожиданности подвинулась, он плюхнулся рядом на диван и почти весь вечер болтал только с ней. Когда же она собралась домой, Сергей, невзирая на ее и Ленины возражения, пошел провожать.

Катя вздохнула и призналась себе, что ей и не хотелось ему противоречить, только, похоже, дружбе с Леной это может повредить. Стоя рядом с ним в маленьком лифте, она боялась, что будет слышно, как громко стучит ее сердце, как со скоростью горной реки шумно несется по венам кровь, как постепенно набирает обороты еще не осознаваемое умом чувство. Села в машину, уставилась в окно.

– Куда едем? – спросил он.

– В Выхино.

– Не ближний свет.

– Там можно нормальную квартиру дешево снять. Я же говорю, давай доеду сама.

– Прекрати занудствовать. Я просто отметил факт. А чего снимаешь, не из Москвы?

– Да вообще-то из Москвы. В центре комната в коммуналке, но мама выпить любит. С ней тогда невозможно. Вот и разъехались. Недельку не пьет, потом столько же не просыхает.

– У меня отец тоже выпивает. Я вообще из Сочи, ты знаешь?

– Знаю. А я отца никогда не видела. А мама из детдома.

Так и ехали. Болтали о том о сем. А над Катиной головой уже маячил амурчик, прицеливаясь половчее. Подъехали к дому.

– Кать, дай мне, пожалуйста, свой телефон.

– А как же Лена?

– А что Лена?

– Ну... – она замялась.

– Катюш, ну это же я ей нравлюсь, а не она мне. Мне нравишься ты, – сказал он и, заглянув ошарашенной девушке в глаза, ласково улыбнулся.

«Как будто перед зеркалом репетировал», – промелькнула в голове мысль, и в этот момент ответственный за любовь карапуз выпустил стрелу ровно в середину Катиного сердца. Она быстро продиктовала телефон, забыв попрощаться, выскочила из машины и побежала домой.

– Я завтра позвоню! – услышала вслед.

Как ни в чем не бывало утром позвонила довольная Ленка.

– Катька, привет! Ты не представляешь. Вчера Тема пришел с та-а-аким приятелем, с ума сойти. Под два метра, глаза голубые, фигура – закачаешься, сзади хвостик, прикид – круче только звезды, заканчивает МГИМО, факультет МЭО, родители живут в Бельгии, квартира своя на Смоленской, тачка, и такой веселый, что оборжаться с ним. Ну, в общем, Катюха, у нас любовь. Звоню тебе, пока он в ванной. Сейчас легкий завтрак, а потом к нему на дачу до понедельника.

– А как же Сергей?

– Ой, Кать, бес меня попутал. Хочешь, подарю! А у вас, кстати, было?

– Что?!

– Хорош прикидываться, сказала ж – дарю, значит, не обижаюсь. Говори как на духу, не держи в себе. Я думала, он к тебе зашел, как это говорится, на чашечку кофе.

«Нет, довез меня до дома и уехал». – Катя хотела продолжить разговор, поговорить о Сергее, но услышала: «Ой, Катюха, я побежала. Целую. Пока, пока».

У Зои в гостях

Москва. 1945 год

Морозный воздух приятно пощипывал за лицо, окрашивая щеки в розовый цвет. Белый снег искрился на солнце, поскрипывал под ботиночками. Варя оживленно болтала о чем-то. Катя слушала, изредка улыбаясь – чертики, облачка. Зоя молча шла впереди, показывая дорогу. Пришли. Катя оглядела желтое здание:

– Хороший у вас дом!

– Красивый! – подхватила Варя.

– Проходите, девочки! – Зоя придержала массивную парадную дверь. – На второй этаж. Открыла Полина:

– Ой, Зоинька, ты с гостями. Что ж не сказала? Я бы приготовила чего-нибудь сладенького. Проходите, милые, проходите. Не стесняйтесь, разувайтесь тут. Здесь пальтишки вешайте. Мойте руки. Сейчас обедать будем.

Прошли за Зоей в большую ванную.

– И что, вся квартира ваша? – интересовалась Катя.

– Да. Берите полотенце.

– Такая большая! – Варя вертела головой во все стороны.

– У меня ведь папа профессор. Мы в этой квартире еще до войны жили, а потом нам ее оставили, потому что папа теперь в важной больнице работает.

– А мы в коммуналке живем. Катя тоже. А мама у нее тоже в больнице работает. Правда медсестрой.

– Варя! – укоризненно шикнула Катя.

– А что такого?

– Ничего. Зачем всем рассказывать подробности, где я живу и кто моя мама. Хочешь, про себя рассказывай. А что это за тетка?

– Это моя няня.

Зое стало обидно. Что значит «всем»? Но тут Полина позвала к столу и разбираться в этом вопросе стало некогда. На столе дымилась картошка в старинной фарфоровой супнице (отец всегда поражался, как Полине удалось все это сохранить за столько лет войны и запустения). На блюде лежала селедка. Высились горкой оладушки. Стоял чайник со свежей заваркой. И даже сахар, который няня берегла, выглядывал из-под крышки сахарницы.

Девочки перекусили и пошли к Зое в комнату. На маленьком диванчике сидели в ряд все ее сокровища. Даже Катя не смогла сдержать восторженного вздоха.

– Вот это да! – Варя кинулась к диванчику, схватила Герду. Стала разглядывать полосатые гетры, деревянные башмачки, платье с пышной синей юбкой, светлые кудри. Восхищалась и ахала. А Катя видела только королеву. Она бережно взяла ее на руки, отошла с ней к окну и пальчиком гладила ей лицо, зеленые глаза. Ладонкой гладила платье. Зоя была счастлива. Такой реакции на свои игрушки она не ожидала.

– А бедная Надя до сих пор лежит в портфеле. Девочки, вы тут посидите, я за ней схожу. Варя кивнула. Зоя выскочила в коридор и вприпрыжку побежала за Надей.

А когда вернулась обратно, то обнаружила в беспорядке лежавших кукол и отсутствие девочек. Может, они в ванной? Пошла искать. И, обнаружив уже одетых подружек в коридоре, чуть не расплакалась.

– А как же чай с оладушками? Я Полину попросила... – сказала она, еле сдерживая слезы.

– Зой, ну ты не расстраивайся. Я бы осталась, да Кате надо домой. Мы к тебе еще придем. Очень красивые у тебя куклы. Поиграем потом. Хорошо?

– Хорошо.

– Тогда до завтра. В школе увидимся. А то ведь еще уроки.

Зоя открыла дверь. Девочки вышли, Варя повернулась на лестнице, улыбнувшись помахала. Катя не обернулась. Закрыв за ними, Зоя села тут же на стульчик, и слезы сами полились тоненькими струйками. За этим печальным занятием ее и застала няня:

– Ну вот, здравствуйте вам. То смех, то слезы. Зоюшка, что ж ты плачешь?

– Девочки ушли.

– Так быстро. И не попрощались.

– Кате домой надо было.

– Так не плачь. Еще придут.

– А вдруг не придут.

– Куда ж они денутся?

– Им не понравилось со мной играть. Особенно Кате. Даже, несмотря на кукол, ушла.

– Эх, милая моя, если бы всех можно было игрушками приманить. Надо самой уметь людям нравиться.

– А как же мне ей понравиться? – хлюпала носом Зоя.

– Как-как? Кабы все знали, как понравиться, и горя б не было. Не знаю, чем люди друг дружке нравятся. У каждого свое. А ты не плачь. Пойдем чайку попьем, может, и папка придет. Пойдем, моя хорошая. Не стоит из-за этого...

Полина обняла свою воспитанницу, они сели на кухне, и время незаметно пролетело за разговорами. Владимир Михайлович так и не пришел. Пора было спать. И только тут Зоя с няней вспомнили, что уроки на завтра так и не сделаны, но было уже поздно, темно и хотелось спать. А задания выучить можно и утром, надо только пораньше проснуться.

Зоя умылась, легла, обняла подушку, зарылась под одеяло.

– Может, почитать тебе? Давно я тебе на сон сказки не читала.

– Почитай, пожалуйста.

Няня села рядышком, раскрыла книгу и тихим, ровным голосом стала читать. И читала, читала, а Зоя слушала, слушала. И было так спокойно и хорошо. Перед глазами проносились леса, реки, холмы, замки, волшебные сады, королевны и королевичи, и наступил сон.

* * *

Сон № 3

Мама вошла по-будничному, так, как всегда заходила в ее комнату перед сном сказать спокойной ночи, поговорить или почитать. В простом домашнем платье, в тапочках. Присела у кровати. Таким реальным все это казалось, будто и не было прошедших лет, войны, мама не умирала и Зоя не видела страшных снов. И дочка, маленькая девочка, взяв маму за руку, тихо разговаривает с ней. Спокойно так, легко. А на улице поздний вечер, и фонари светят размытым желтым в окно. Падает снег.

– Как ты, доченька?

– Хорошо, мама.

– Как учеба?

– Хорошо, почти все пятерки.

– А какие девочки? Есть у тебя подруги?

– Девочки у нас все хорошие. Подруга у меня Лена, и Варя немного со мной дружит, мы сидим вместе. А больше всего я хочу дружить с Катей, она такая замечательная. Но у меня никак не получается. Она не хочет, кажется. Вот, думала, ей куклы мои понравятся.

– И пусть, пусть. И не надо, Зоя. Катя нехорошая девочка. Не надо с ней дружить. – Вдруг мать поднялась и стала ходить по комнате, вытянув вперед руки и шаря ими в про-

странстве будто слепая, и повторяла, что Катя нехорошая, потом остановилась у кровати дочери и, вперив в нее невидящие глаза, понесла какую-то бессмыслицу.

— Две женщины будут... Горе будет... Из-за сердца большая беда... Горе будет... Две женщины придут... Скоро уже, скоро... Зоя, берегись, дочка. — И уже тянула руки, трясла девочку за плечи, горели безумные глаза. — Зоя, слушай меня. — Девочка пыталась вырваться, отодрать от себя цепкие пальцы. Ком в горле не давал крикнуть, позвать на помощь. Нужно открыть глаза, это сон, всего лишь сон. Только открыть глаза. Она сделала над собой усилие. Няня тихонько трепала ее за плечо:

— Зоя, послушай, ну вставай же, проспишь школу.

Зоя умывала лицо ледяной водой. Холодная струя прозрачным столбиком лилась из крана, разбиваясь о стенки раковины. Прохлада воды приводила в чувство, неприятный осадок сна стекал вместе с ней в слив и уплывал по трубам в неизвестном направлении. Начинаясь новый день.

* * *

Никто не знает, почему один ребенок хочет дружить с другим. Наверное, так же, как и взрослые, дети ищут в общении со сверстниками или общие интересы, или то, чего нет в них самих. Зоя была мягким, податливым и открытым человеком. Она не считала себя какой-то особенной, чем-то выдающейся. На самом деле это было не так, но, как известно, если ты сам в себе никаких достоинств не видишь, то и другим это заметить сложно.

Зоя любила папу, Полину и своих кукол. Любила маму и хранила о ней память. Видела странные сны. Овладевала кукольным ремеслом. Но все это казалось ей обычным. Что такого, что в дневнике у нее одни хорошие оценки, и куклы такие, каких больше ни у кого нет, и сны. Очки с толстыми стеклами, под которыми блеклого цвета глаза смотрятся особенно по-рыбьи, рыхлая фигура, короткие круглые ногти, редкие бесцветные волосы — это было для нее важным, и она оценивала себя, рассматривая иногда в зеркале — так, ничего особенного. Вот Катя — это другое дело. Вот у Кати глаза, и волосы, и фигура! И пальцы длинные, ногти красивые. Не то что у нее — обгрызенные кругляши. Раньше она не задумывалась о своей внешности. Жила себе и жила. Не до внешности было. Да и возраст другой. А сейчас... Да сравнить хоть с той же Варей. Ей, конечно, до Кати далеко. Но все равно, у нее нет прыщиков на лбу, как у Зои. Вот такие мысли стали появляться у девочки, которая незаметно для себя выросла за эти годы. А пятерки, ну что пятерки. Ей приходится сидеть, корпеть над книжками, а Катя все на лету схватывает, ей зубрежка не нужна. Да та же Варя — спишет на перемене, а на уроке уже отвечает так бойко, будто весь вечер, как Зоя, сидела, уткнувшись в книжку.

* * *

В Кате чувствовалась воля, стержень. Было в ней много высокомерия — общаться с одноклассниками и обсуждать с ними их дурацкие девчачьи проблемы — это не для нее. Она уже со всей серьезностью думала о взрослой жизни. Что будет делать после школы, за кого нужно выходить замуж, и вообще, как жить, чтобы выбраться из этого убогого барака, где они с матерью ютились в комнатке с полом, доски которого лежали на земле, и клопы с блохами кусали прям через чулки. Где вечно пьяные мужики-соседи орали песни, матерились и распускали свои грязные вонючие лапы. А побиваемые ими жены вкалывали на заводах и фабриках, прятали синяки и помалкивали. Нет, конечно, не все так жили. Попадались среди соседей и тихие, спокойные, интеллигентные люди. Но основная масса была серая, быдловская. Такая жизнь не для Кати. Ее ждут богатство, счастье и любовь.

А материн ухажер тоже хорош. Хоть деньги у него водятся, но вор – он везде вор. Катя мечтала о принце. С чего нужно начинать? Найти более-менее приличную компанию. И уж если так получилось, что Варе хочется ее развлекать, раз уж у этой шутихи есть такой симпатичный старший брат, то почему бы с ней не пообщаться. Может, какой толк и будет из этой так называемой дружбы. К тому же комната в коммуналке – это не барак. У них, кстати, до войны тоже была хорошенькая комнатка, но что ж поделать, если именно их симпатичный старинный двухэтажный домик был разрушенным.

А какая оказалась квартира у этой никудышной Зои! И папочка профессор. Кто бы мог подумать. Ну зачем такой страшили своя комната с диванчиком, на котором сидят в рядок куклы, а их сам папочка ей же и делает. Одним все, другим ничего. Конечно, самая красивая из кукол Снежная королева. Такая должна быть у нее, у Кати. И папа такой, и квартира, и даже нянька эта дурацкая, которая болтает без остановки! «Зоинька, девочки». Тьфу, противно слушать. Ну у них она еще и за прислугу. У нее, этой прыщавой толстухи, еще и прислуга есть. А Варька тоже хороша, накинулась на картошку, будто никогда не видела. Да еще давай трепать, кто где живет. Хорошо, не успела сказать про барак. А эта страшила носится, «девочки то, девочки это». Дура, дура, дура! Ненавижу! Катя сидела на продавленном, скрипучем диване и пыталась читать книгу, но мысли после посещения одноклассницы пришли в полный разброд. Зависть терзала ее. Она с силой швырнула учебник в стену.

– Ну ничего, я вам еще всем покажу. И этой Зое тоже.

Встреча в «Парусе»

Москва. Наше время

Уже пятнадцать минут Катя сидела в «Парусе» за столиком у окна и поглядывала на улицу. К тротуару подрулила новенькая серебристая «Ауди». Из машины вышел Сергей с букетом белых цветов. Хрюкнула сигнализация, непослушные руки вцепились в стакан с водой.

Он кинул куртку на стул, отработанным небрежным жестом позвал официанта.

– Здравствуй, радость! – Поставил цветы в принесенную вазу, подвинул ее к Кате. – Это тебе. Ты еще любишь белые цветы?

– Люблю, только что я Стасу скажу?

– А ты их выкини потом, а пока пусть здесь стоят.

– Жалко.

– Жалко у пчелки. Как дела?

– Все нормально, а у тебя?

– Дела идут, контора пишет. Вот квартиру снял, сделаю ремонт – приглашу в гости. Вообще мы в Германии уже давно живем. Сюда я магазин приехал открывать. Пашем с Ладкой как звери. Зато результат налицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.